АННА НИКОЛЬСКАЯ
БЛОШКИНС
И ФРЮ ИЗ БУХТЫ
БАРАХТЫ
ХУДОЖНИК
ГАЛИНА ЗИНЬКО
CLEVER
издательство

АННА
НИКОЛЬСКАЯ

БЛОШКИНС и ФРЮ из бухты Барахты

ХУДОЖНИК ГАЛИНА ЗИНЬКО

CLEVER
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Оглавление

1 · Короткие бежевые панталоны
9

2 · Чуточка кипятка
15

3 · Глазунья из восемнадцати яиц
19

4 · Луг, вышитый крестиком
23

5 · Никуда не годные крылья
30

6 · Злейший колбасный враг
34

7 · Пренеприятный тип
39

8 · На три персоны
44

9 · Бородавка, которую ничем не свести
49

10 · Безмолвствующий пароходик
55

11 · Мучной клейстер
59

12 · Съеденный велосипед
63

13 · Куча мечты
68

14 · Гирлянда из ореховой скорлупы
72

15 · Бокал с виноградной шипучкой
75

16 · Призы-сюрпризы
78

17 · Трубочка напополам
84

18 · Мыс Отчаяния
87

19 · Устрицы среди прибрежных камней
97

20 · От любви
101

Эпилог
105

СУРОВАЯ
ЗИМА

1. Короткие бежевые панталоны

Снег шёл всю ночь. Он тихо падал, слой за слоем укрывая прелую листву, траву, высохшую ещё в конце ноября, промёрзшие дюны и спящих в них носатых крошек гримольфов. В бухте под толстой коркой льда спало чёрное море. Оно всегда темнело в это время года и лишь изредка глухо бурчало из-подо льда, не давая Блошкинсу навсегда позабыть о себе. Он лежал на гагачьей перине, мягче и теплее которой не придумано в целом мире, и слушал тишину. Глаза его были открыты. Блошкинс представлял, как сейчас, в этот самый миг, над крышей его старого коттеджа сидит, покачиваясь на ветке, Толстая Браногинда. Она единственная не боялась зимы. Из всех обитателей бухты Барахты она одна умела согреваться изнутри. Иногда Браногинда раскалялась докрасна и делалась похожей на тлеющее полено. В её широкой груди была сложена кирпичная печурка с трубой, выведенной в правое ухо. Она заменяла ей сердце.

«Сейчас Толстая Браногинда сползёт по стволу вниз, — думал Блошкинс. — Она усядется на мои качели под яблоней и опять их сломает».

Качели он смастерил ещё в прошлом апреле для своих внучатых племянников, но они почему-то до сих пор не приехали. Теперь только Браногинда качается на них по ночам, завывая, как ветер.

Сосны стояли кругом мокрые и высокие, подпирая макушками тяжёлое ночное небо. Блошкинс любил, когда оно такое — фиолетовое и ватное, словно кто-то накрыл тебя сверху толстым одеялом. Он закрыл

глаза и натянул на уши тёплый ночной колпак. Он не снимал его даже днём — берёгся от блох и от простуды.

Утром Блошкинс с трудом отворил входную дверь. Тут же ему на мордочку свалился сугроб — свалился и сразу рассыпался. Блошкинс поморщился, стряхивая с седых усов снежинки. Снег был вчерашний (он шёл до полуночи, а потом перестал) и вкусом напоминал подсолённую сахарную вату. «Теперь придётся весь день разгребать сугробы», — с тоской подумал Блошкинс. Он не был ленив, отнюдь. Он просто не любил заниматься бесполезными вещами. А что может быть бесполезнее вчерашнего снега? Особенно когда ты знаешь наверняка, что ночью он пойдёт опять.

Черпая валенками сугробы, Блошкинс пробрался к ажурной калитке, засыпанной ровно наполовину. До почтового ящика оставался ещё примерно метр — нет, пожалуй, не дотянуться. Блошкинс огляделся.

— Где моя крюпалка? — пробормотал старик. Разговаривать с самим собой вслух давно вошло у него в привычку.

Крюпалка — длинная складная палка с крючком и набалдашником, которую Блошкинс изобрёл ещё в юности, — нашлась через полчаса. Она лежала на крыльце, её тоже завалило ночью снегом. Отдышавшись и смахнув пот, Блошкинс полюбовался на расчищенный на три четверти палисадник. В другой раз он будет осторожнее. Разбрасываться вещами — непростительное попустительство. Вокруг полным-полно воришек! Взять хехорликов, что гнездились неподалёку в дупле. Четыре года назад они умыкнули у Блошкинса отличную вымытую морковь! Вытащили прямо из снеговика, вкрутив вместо носа сосновую шишку. Хорошо, что они теперь зимуют на мысе Отчаяния. Суету Блошкинс не любил, а от хехорликов её было слишком много.

Старик вновь пробрался к калитке. Он перегнулся через ограду и подцепил крючком дверцу почтового ящика, увешанного блестящими сосульками. Обледенелая, она поддалась не сразу.

Вернувшись в дом, Блошкинс заварил имбирный кофе и капнул в него чуточку коньяка для согрева. Надев пенсне, он уселся в кресло-качалку и внимательно рассмотрел конверт. Розовый, а штемпель

иностранный — значит, от тётушки Лисены. Она писала чаще остальных, и её подробные, обстоятельные письма скрашивали длинные будни Блошкинса. Лисена в красочных деталях рассказывала родственнику о том, что происходит в её далёкой стране. А в конце письма неизменно звала его погостить или перебраться насовсем — это как ему пожелается. Но Блошкинс умел любить лишь издалека. И был он уже слишком стар, чтобы менять свои привычки. Да и Лисена была немолода: в прошлом году ей перевалило за сотню.

«Здравствуй, драгоценный мой алмаз, — писала тётушка. — Ну как ты там в своей глуши? Ещё не одичал? Порой мне кажется, что тебя и нет совсем, что я тебя выдумала когда-то давным-давно. Когда это было и что послужило тому причиной, уже не припомню... А у меня всё по-прежнему. Коротаю вечера за преферансом в кругу старых подруг. Мы собираемся по четвергам, после обеда, и подолгу заседаем в моей бордовой гостиной (ты ещё помнишь её?), где на стенах висят портреты наших великих предков и ходики с кукушкой. Душечка Тюфелла приносит корзинку шоколадных бисквитов, которые печёт накануне, а кузина Агнесса, по своему обыкновению, бутылочку вишнёвой наливки. Ах, что за прелесть, в самом деле, эти наши весёлые четверги! Мы укутываемся в шотландский плед и заседаем до самого рассвета, пока за Тюфеллой не приходит её муж — жук-пожарник (он, как обычно, работает по ночам). После ухода гостей я прибираю дом, принимаю сосновую ванну и ложусь спать до следующего четверга. Ты спросишь, когда же я летаю? И я отвечу тебе, что ревматизм поставил крест на моих ежедневных полётах. Теперь мне остаётся лишь смазывать крылья пихтовым маслом и уповать на маленькие милости судьбы. Дружочек, приезжай же ко мне! Я буду счастлива вновь заключить тебя в объятия. А уж как обрадуются твои внучатые племянники! Они теперь совсем взрослые — курсанты королевской лётной школы! Шихмухт отпустил усы и разговаривает по телефону басом. Приезжай, голубчик, приезжай! Мы растопим с тобой камин еловыми шишками, напьёмся горячего супа и будем вспоминать молодость. Ты согласен?

И пожалуйста, пиши своей древней тётке почаще. Твой разборчивый почерк — бальзам на моё больное сердце.

Вечно твоя, Лисена».

Блошкинс поморщился. Он не любил драматизировать, особенно если речь шла о его собственной жизни. А Лисена, бывшая примадонна Королевского театра, поистине была королевой драмы. И даже её высокопарные письма выводили порой Блошкинса из равновесия. Правда, лишь ненадолго.

Блошкинс подошёл к комоду — он был сделан из старой корабельной мачты, выброшенной на берег. Он нашёл её позапрошлой зимой, мачта лежала в мокром песке, сырая и обледенелая по краям. Блошкинс сразу почувствовал, что это будущий комод, поэтому не мешкая отправился домой — за крепкой верёвкой. А потом ещё два месяца пилил, стругал и шкурил, запершись в маленькой мастерской и попивая какао. После он покрыл комод бесцветным лаком и прикрутил к нему три бронзовые ручки в виде желудей.

Прикручивать ручки — вот что нравилось Блошкинсу больше всего. Нравилось и одновременно наводило на него непонятную тоску. Прикручивание ручек было завершающим штрихом в его работе, финальной точкой, после которой Блошкинсу не оставалось больше ничего. Пожалуй, лишь опуститься в кресло и начать придумывать для себя какое-нибудь новое занятие. Полезное или не очень — это с какой стороны посмотреть.

Он выдвинул верхний ящик, доверху заполненный розовыми конвертами, и положил туда письмо Лисены. Кажется, это три тысячи сто девяносто второе... Надо будет свериться с настенным календарём. Каждый раз, получая письмо, Блошкинс отмечал это событие в календаре, который изобрёл сам. Календарь был рассчитан на триста лет и содержал в себе все мало-мальски значимые события в жизни Блошкинса: именины, крестины, дни летнего солнцестояния и затмения луны.

В среднем ящике комода хранились разноцветные конверты — письма от разномастных и многочисленных родственников. А в нижнем лежали

коричневые. Но Блошкинс предпочитал о них не вспоминать. Он редко открывал нижний ящик: его всё чаще простреливал радикулит.

Блошкинс подогрел остатки вчерашнего пирога, вскипятил сливки и завёл патефон. Старая музыка мягко лилась по зимнему лесу, заполняя собой тишину. Пирог со сливками приятно согревал внутренности. Блошкинс знал, что патефон слушают даже птицы — они моментально умолкали под шуршание его иглы. И даже эхо, казалось, замерев, прислушивалось к заезженной пластинке Блошкинса. Жаль, что она была у него в единственном экземпляре.

После обеда Блошкинс, по обыкновению, задремал. Ему ничего не снилось — никогда и ни при каких обстоятельствах. В этом был всего один плюс: никаких тебе ночных кошмаров на сытый желудок. Пожалуй, Блошкинс и не догадывался, что в мире существуют такие удивительные вещи, как сновидения. Сонников он не читал, а разговоров на тему снов ему было завести не с кем. Поэтому, когда Блошкинс вдруг увидел купальный домик в синюю полоску, он очень удивился. Просто необычайно! А что бы сделали на его месте вы, если, дожив до преклонных годов, не посмотрели ни одного сна? Буквально ни единого?

Блошкинс был изумлён до глубины души. Он стоял на пляже, маленький, с совочком в руке, и смотрел на этот купальный домик. Вернее, на то, как из него вылетают два восхитительных существа. На них, на этих совершенных красавцах, были надеты точно такие же купальные костюмы, как у него! Короткие бежевые панталоны и полосатые маечки! Блошкинс смотрел на то, как они резвятся в теплом июльском воздухе, и понимал, что это мама и папа. Это его родители! О, как они прекрасны! Особенно мама! Она так грациозно машет лапами и смеётся, как дверной колокольчик в магазине у тётушки Му! А какие блестящие у неё крылья! Нарезвившись вволю, мама наконец заметила Блошкинса. Она улыбнулась ему красивой зубастой улыбкой и сказала:

— .....

— Что? — переспросил Блошкинс. Он почему-то ничего не услышал.

— .....! — опять сказала мама.

Но Блошкинс снова ничего не разобрал. Потому что в этот самый момент кто-то принялся сильно стучать — очень громко. Кто-то буквально колотил во все колотушки!

И тогда Блошкинс проснулся. И сразу стал оглядываться по сторонам: где он? Что это с ним? Откуда в его собственном доме, да ещё посреди декабря, взялся июльский пляж? Да, такое бывает с теми, кто никогда в жизни не видел снов.

Однако довольно быстро Блошкинс пришёл в себя. Он потряс головой, отгоняя наваждение, и пошёл открывать. Ведь этот кто-то стучал ни в какие не в колотушки и даже не в соседскую дверь (впрочем, соседей у Блошкинса отродясь не было), а именно в его.

В дверь самого одинокого старика в мире.

2. Чуточка кипятка

Когда Блошкинс отворил дверь, он никого не увидел. Это сначала — на улице всё ещё ярко светило солнце. Отразившись в белоснежном насте, оно на мгновение ослепило старика. Закрыв глаза, он тихонько выругался. Купальный домик. Мама. И папа. Ради этого стоило проспать до самого вечера!

— Ну? — требовательно бросил Блошкинс, все ещё щурясь. — Кто тут ещё?

— Добрый день, — застенчиво пробормотали в ответ.

— Ничего доброго в нём не нахожу. — Блошкинс наконец разглядел того, кто стоял на крылечке.

Это был странный зверь. Да, весьма странный. Такого пушистого и в то же время усатого зверька Блошкинс ещё никогда не видел. К тому же незваный гость был абсолютно белым, поэтому он практически сливался с заснеженным двориком. Зверёк смотрел на старика внимательными сиреневыми глазами и улыбался. Кажется, он немного стеснялся, потому что то и дело отряхивал лапами шкурку и переминался с ноги на ногу. Блошкинс заметил, что зверёк был босой: на его розовых пальцах росли крупные когти.

— Меня зовут Фрю, — сказал зверь. — И кажется, я заблудилась.

Она, видите ли, заблудилась. Блошкинс молчал, лихорадочно соображая, что следует отвечать в подобной ситуации. С одной стороны, ему нет никакого дела до того, что какая-то там Фрю заблудилась. Совершенно никакого! Блошкинс вовсе не нанимался наставлять всяких заблудших зверей на путь истинный. Но с другой стороны... Блошкинс снова покосился на голые ступни зверька. Скоро начнёт темнеть. Наверное, похолодает, эта Фрю простудится и, чего доброго, околеет ещё...

— У вас не найдётся кипятка? — вдруг спросила Фрю и опять обезоруживающе улыбнулась.

Блошкинс отметил про себя, какие у неё красивые белые клыки. Такими клыками, наверное, удобно жевать колбасу. А ещё точить сырные головы, спрятанные в кладовке у Блошкинса, щёлкать орехи и семечки, хрустеть корабельными сухарями, которые старик нажарил для себя впрок. Он размочит такой сухарик в тёплом киселе и... Блошкинс пошамкал беззубым ртом, собираясь ответить этой Фрю, но вдруг передумал и резко захлопнул дверь. Потому что нечего!

— Нечего тут шастать! — сказал он через дверь и, довольный собственной решительностью, снова уселся в кресло.

Он просидел в нём до самого вечера, прислушиваясь к звукам на улице и перебирая в лапе рябиновую гроздь. Перебирание грозди успокаивало его обычно, но не в этот раз. Старика немного познабливало. Ему

не нравилось то непривычное чувство нервозности, которое он испытывал. Стук сердца. Холод в пальцах ног. Пылание щёк. Даже дышать ему вдруг стало труднее, чем обычно. Он неожиданно вспомнил, что ведь ему полагается дышать. Но как — через рот или всё-таки через нос? Раньше Блошкинс не обращал на такие вещи внимания, а вот теперь обратил. Это было скверно. Блошкинс чувствовал всем нутром, что это очень скверно и ни к чему хорошему его не приведёт.

Когда за окном зажглись звёзды, старик не стал включать свет. Он сидел в темноте, притаившись и прислушиваясь к шагам на крыльце. Они чрезвычайно беспокоили Блошкинса и сердили, а когда наконец затихли, обеспокоили и рассердили ещё больше.

Она ушла? Эта, как там её... Фрю! Но почему же он тогда не слышал скрипящего звука удаляющихся по снегу лап?

Богатое воображение Блошкинса стало рисовать ему какие-то мрачные картины. Розовые лапы, покрытые коркой льда. Маленькое окоченевшее тело на родном крыльце. И самое страшное — сиреневые глаза, безмолвно молящие о чём-то. Вдобавок пошёл снег и поднялся ветер. Снег и ветер, которые Блошкинс так страстно любил, теперь лишь ужасно нервировали его. Ну в самом деле, почему именно сегодня должна была подняться такая пурга? Ведь Блошкинс, наоборот, поджидал оттепель!

— Кипятка. Ей всего-навсего нужно было чуточку кипятка, — сказал сам себе Блошкинс и буквально возненавидел себя в ту же минуту.

Старый эгоист. Жадина-говядина! Он вдруг яростно сорвался с кресла, в один прыжок оказался у двери и распахнул её настежь.

Зверёк лежал на крыльце. Его засыпало снегом, поэтому он больше походил на маленький сугроб, чем на что-то живое. А может, он уже и не живой давно...

Блошкинс подхватил зверька на руки и дыхнул ему в лицо остатками вчерашнего пирога. Фрю не отреагировала. Её глаза были закрыты, из ноздрей не шёл морозный пар. Больше не мешкая, Блошкинс занёс её в дом, укутал в стёганое одеяло и положил на пол. Около печки. «Ничего, скоро отогреется», — подбадривал сам себя старик, суетясь по дому. Надо

только подкинуть дров. А ещё вскипятить воды и приготовить лечебный отвар из корзинок ромашки.

И брусничное варенье. Обязательно брусничное варенье! В погребке ещё осталась баночка.

Носки лежали на нижней полке, в шкафу. Они были большие и старые, все в заплатках. Они пахли Блошкинсом, и больше ничем, даже псиной. Он раскутал Фрю и надел ей на ноги свои носки из собачьей шерсти. Они её согреют и спасут. Блошкинс в этом уверен.

Он был в этом уверен как никогда.

3. Глазунья из восемнадцати яиц

Так и случилось, но уже на следующий день.

Всю ночь Фрю проспала неподвижно. Казалось, она и не дышит вовсе, по крайней мере, как ни прислушивался, Блошкинс никак не мог уловить её дыхание. Фрю лежала, укутанная с ног до головы в одеяло, а Блошкинс смотрел на неё и думал, как сильно она ему

кого-то напоминает. Кого же? Но Блошкинс был слишком удручён и напуган, чтобы воспоминание оформилось окончательно. Борясь со сном, он сидел, прислонившись спиной к печи и положив руку рядом с Фрю. Сначала он хотел положить её прямо сверху, но побоялся малышку нечаянно раздавить. Она такая крошечная... Было горячо и душно. Далёкий образ кого-то запелёнутого в одеяло то и дело всплывал в сознании Блошкинса. Но лишь старик пытался ухватиться за него и как следует разглядеть, образ мерк, уступая место сну. Тяжёлый и жаркий, как печка, он опустился на веки Блошкинса, расслабляя его длинные несуразные конечности, свешивая голову на грудь.

А потом старик увидел малыша в шёлковом голубом одеяльце. Он был новорождённый, Блошкинс понял это по красной лысой мордочке. Ему вдруг стало очень радостно и захотелось поближе рассмотреть шёлковый свёрток. Возможно, даже развернуть его и проверить хорошенько, что там, внутри. Но, увы, Блошкинс всё-таки уснул — и, как прежде, проспал без сновидений до самого утра.

Разбудил его грохот тарелок. И шкварчание яичницы на сковородке. А ещё — запах: жареного сала, перца и... чужака в доме.

С кухни раздавалось чьё-то мурлыканье. Кто-то тихонько напевал себе под нос, и, судя по нотам, этот кто-то был в прекрасном расположении духа. Чего нельзя было сказать о самом хозяине дома. Вы только подумайте: проспать всю ночь на полу! Это с его-то радикулитом! Вдобавок кто-то хозяйничает у его плиты, да при том ещё и поёт! Да он ещё и в кладовку залез, ведь яйца Блошкинс хранит именно там! На верхней полке! В корзинке с номером 367!

Фрю.

Блошкинс вдруг вспомнил про вчерашнее.

Праведный гнев смыло тёплым приливом внезапной нежности: ЖИВАЯ! Но лишь ненадолго. Никому, слышите, НИКОМУ не позволит Блошкинс хозяйничать в его собственном доме! Даже обладательницам больших сиреневых глаз.

Он вскочил, тут же схватившись за спину, и кряхтя направился в зимнюю кухню (у Блошкинса, рачительного хозяина, была ещё и летняя, но на зиму он её «консервировал»).

— Доброе утро! — завидев в дверях старика, просияла Фрю.

На ней был надет любимый передник Блошкинса — в зелёный горох. Старик с неудовольствием заметил, как передник волочится по полу, неметёному со вчерашнего утра. На лапах у неё красовались собачьи носки.

— А я вам глазунью пожарила, — она обезоруживающе улыбнулась, обнажив стройный ряд сверкающих клыков. — Вы же глазунью больше любите? Или омлет? А то давайте я переделаю, а глазунью сама съем... Я в еде совсем непривередливая, могу и сырые яйца пить. Это, знаете, отлично действует на связки. Ой, а что вы так на меня смотрите? Я что-то не то делаю? Вы только скажите, я могу и гоголь-моголь взболтать...

— Нет! — рявкнул Блошкинс, кидаясь к корзинке с яйцами. Как ни в чём ни бывало она стояла на столе, опустошённая уже наполовину.

Он вырвал из лапок Фрю сковородку, быстро пересчитал в ней яйца (бухты-барахты, восемнадцать штук!) и быстро выключил газ. Потом он потушил свет (на дворе ещё было сумеречно), крепко завернул кран, из которого капала вода, и лишь тогда опустился на табурет. Сердце в груди бешено стучало. Убытки! Сплошь и рядом катастрофические убытки! А теперь ещё придётся и передник стирать (он был у Блошкинса парадный, ни разу не стиранный) — вон он, весь уже в мелкой белой шерсти.

Блошкинс устало закрыл глаза. Нет, лучше бы она вчера умерла. Он бы похоронил её под кустом бузины, выдолбив в земле ямку, накрыл камушком и забыл о ней навсегда. А что с ней делать теперь? Не выгонять же, в самом деле, опять из дома?

— Вам плохо? — робко поинтересовалась его Фрю. — Может, водички?

— Нет, — глухо отозвался Блошкинс, не открывая глаз. — Будь добра, сядь вон туда и посиди тихонько минутку, ладно?

— Хорошо, — согласилась Фрю, усаживаясь на соломенный тюфячок. — А где у...

— Тихонько, я же сказал!

— Да-да, хорошо.

Они сидели молча, Блошкинс и Фрю, два таких разных создания. Что за нелепая судьба свела их вместе, в одной маленькой зимней кухне? Зачем? Для чего? Блошкинс мысленно задавал себе все эти вопросы и не находил на них мало-мальски пригодного для жизни ответа.

Фрю — чужеземка. Блошкинс это понял, стоило ей лишь открыть рот. Акцент был смутно знакомым. Кажется, Блошкинс слышал его когда-то давно. Во-вторых, она совершенно, то есть абсолютно, не приспособлена для жизни под одной крышей с Блошкинсом. Жизни размеренной, тихой и продуманной до мелочей — с раннего утра до позднего вечера. Ведь что любит Блошкинс? Он любит покой, тишину и уединение. Это три кита, на которых держится вся его жизнь, такая прекрасная в своей невероятной предсказуемости. Блошкинс открыл один глаз и тайком посмотрел на Фрю. Вооружившись Блошкинсовым гребнем, она вычёсывала у себя блох.

Нет. Покоя с тишиной от неё явно не дождёшься. Скорее наоборот. Вон, вся уже извертелась, скоро дырку проделает в тюфяке. И потом, она ведь ДЕВОЧКА. А он — древний старик. Девочки и старики не уживаются в одном пространстве, особенно в таком замкнутом, как у Блошкинса. Это он знал наверняка, хотя и понаслышке.

Блошкинс с тоской посмотрел в окно. Светало, но ночная пурга до сих пор не улеглась. Казалось, она лишь набирает силу. Ветер дул изо всех щелей. Блошкинс поёжился и вздохнул:

— Меня зовут Блошкинс.

— Правда?! — почему-то ужасно обрадовалась Фрю. — А меня Фрю! Очень приятно с вами познакомиться!

Она было сорвалась с места, чтобы обняться и расцеловаться со стариком, но тот остановил её скупым жестом:

— Это мне уже известно. Ну что же, Фрю, давай накрывать на стол. Не пропадать же глазунье из восемнадцати яиц... Бухты-барахты...

4 · Луг, вышитый крестиком

После того как Блошкинс и Фрю поели, старик отправился прибираться на кухню и подсчитывать свои убытки. Для этого у него был заведён специальный блокнот, в котором не было ещё ни одной записи. Ну что ж, всему когда-то приходит конец. Вернее, начало. Перед

уходом на кухню Блошкинс усадил Фрю на лавку и дал ей пяльцы. Он был старомоден. Он искренне полагал: вышивать крестиком — вот чем должна заниматься каждая благовоспитанная девица во время пурги. Поговорить с ней о том, кто она и откуда взялась, Блошкинс решил потом. Всему свой черёд.

Пересчитав закрома, Блошкинс решил, что заслужил небольшой полуденный отдых. Так уж устроен был старик: любой, даже самый непродолжительный отдых нужно сначала заслужить, хорошенько поработав. Иначе он не принесёт желаемого удовольствия. И это, кстати, чистая правда.

Заварив себе чашечку кофе, старик проверил Фрю (она всё ещё вышивала и выглядела при этом весьма увлечённой, не без удовольствия отметил Блошкинс) и прошёл в свой кабинет.

Это был замечательный кабинет! Очень уютный. Блошкинс оформлял и обставлял его сам, полагаясь лишь на собственный вкус. Он был у Блошкинса изысканный. По крайней мере так казалось самому Блошкинсу, а спросить мнения окружающих было не у кого. Стены в кабинете были обтянуты тёмно-зелёным шёлком — ровно наполовину. Другая, нижняя половина была закрыта панелями из морёного дуба. Этот дуб Блошкинс морил сам, он же и срубил его, а перед этим — вырастил из жёлудя, подобранного однажды в роще. В этом был весь Блошкинс — к любому делу он подходил очень основательно и загодя. У окна, закрытого от непогоды деревянными венецианскими ставнями, стоял большой письменный стол на гнутых ножках, а рядом — капитанский стул, обтянутый кожей американского буйвола. Точно такой же кожей была обтянута и столешница, поэтому, когда Блошкинс писал, у него никогда не мёрзли локти. Эту старинную мебель, времён самой королевы Эммы, Блошкинс похитил с разбившегося в бухте Барахте судна. Хотя «похитил» — слово применительно к Блошкинсу неподходящее. Скорее он её спас, иначе мебель бы растащили на дрова гримольфы. Ведь именно так они поступили с самим кораблём.

Слева от письменного стола висели картины в золочёных рамках, которые Блошкинс выпиливал, клеил и золотил, разумеется, сам. В них

были копии иллюстраций из любимых Блошкинсом книг. Не стоит и говорить о том, что копировал он их тоже собственноручно. А справа от стола находился шкаф, сверху донизу заполненный книгами. Нет, их написал вовсе не Блошкинс, как вы могли бы подумать. Он не был писателем, зато он страстно любил читать. Что, согласитесь, делало ему честь. Все книги располагались на полках не по алфавиту и даже не по толщине и размеру (от толстой к тоненькой, от маленькой к самой большой), а по цвету. На верхней полке стояли повёрнутые корешками вперёд красные книги, а на нижней — фиолетовые. Всего в шкафу было семь полок — по числу цветов радуги. Блошкинс, как и любой книжный червь, очень гордился своим шкафом и всем его содержимым. Он буквально сдувал с него пылинки и каждый месяц протирал каждую книгу мокрой тряпочкой с шести сторон. На это уходило ровно три дня — вот такой большой шкаф был у Блошкинса!

Особое место в нём было выделено под книги о садоводстве и огородничестве. Ведь Блошкинс был страстным садоводом-любителем! Круглый год он что-то выращивал, культивировал, прививал и пересаживал. Даже зимой на подоконниках, в коробочках из-под молока, у него росли помидоры, баклажаны и перчики чили. А в горшках — петрушка, мята и укроп. И даже обыкновенный зелёный лук он любил проращивать из луковиц, посадив их в стакан с водой. Однажды после сильного шторма среди ловушек для лобстеров он нашёл на берегу ящик с любопытными на вид фруктами. Таких фруктов никогда не росло в родных местах Блошкинса. Он съел их все, хотя они оказались довольно безвкусными и к тому же зелёными (но не выбрасывать же драгоценный продукт!). А косточки — их осталось ровно восемьдесят две — он посадил в старую ванну на львиных ножках.

Это были авокадо из далёкой страны Америки. Блошкинс потом посмотрел у себя в книжках. С тех пор прошло вот уже несколько лет, а свою мечту — вырастить авокадовую рощу — Блошкинс так и не оставил.

Ещё здесь были книги по столярному ремеслу. Да, Блошкинс был искусным столяром-краснодеревщиком. Кроме качелей за свою долгую жизнь

он смастерил уйму полезных и не очень вещей. В том числе и собственного изобретения. Крюпалка была лишь одной из многих. А однажды, когда зима выдалась особенно длинной и суровой, Блошкинс целых три месяца мастерил пароходик. Этот пароходик был сделан из косточки авокадо (которая так и не проросла). Сделан он был мастерски, с ювелирной точностью, и был копией того, что однажды заплывал в бухту Барахту. Даже его команда во главе с капитаном были выполнены с фотографическим сходством. Теперь пароходик стоял на столе Блошкинса, заключённый в хрустальную бутылочку от духов. Старик полюбовался им в который раз, достал из верхнего ящика чистый лист бумаги, обмакнул гусиное пёрышко в чернила (он варил их сам, из морских каракатиц) и написал:

СВОД ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ В ДОМЕ А. Я. БЛОШКИНСА

Немного подумав, он вывел в углу порядковый номер 1.

У Блошкинса был красивый почерк, разборчивый и круглый. Его буквы напоминали крупных жуков, сцепившихся друг с другом лапками. Подумав ещё чуть-чуть, старик принялся писать и не останавливался добрых полчаса, пока не разделался со списком окончательно. Он вышел на загляденье — деловым и предельно ясным.

«№ 1. Запрещается открывать: двери, окна, печную заслонку, банки с солониной, бутылки с соком, кастрюли с кипятком (при снятии крышки с кипящей кастрюли температура внутри данной кастрюли падает, что замедляет процесс кипячения и увеличивает расход газа в быту), слуховое окно на чердаке, шкафы, комоды, водопроводный кран и ставни в зелёном кабинете.

№ 2. Запрещается включать: свет, радио, патефон, газовые конфорки, утюг и электродрель.

№ 3. Запрещается трогать: посуду, утварь, съестные припасы, книги и пароходик в бутылочке от духов (!).

№ 4. Запрещается: говорить о всякой всячине, выкусывать блох, ходить босиком, самостоятельно готовить и есть еду, чихать, прыгать, залезать

в кресло с ногами и на печку, линять, смеяться, храпеть во сне, двигать мебель, строить рожи, задавать дурацкие вопросы, играть со спичками и с чем бы то ни было ещё, громко петь.

№ 5. КАТЕГОРИЧЕСКИ запрещается: спускаться в погреб и действовать мне на нервы.

Составлено собственноручно А. Я. Блошкинсом».

Блошкинс остался очень доволен собой. Что-что, а списки-то он составлять умеет. Хотя кто знает, может, этот прекрасный во всех отношениях свод ему совершенно не понадобится. Вероятно, эта Фрю совсем не такая, какой может показаться на первый взгляд. А что? Может быть, она вполне воспитанная и аккуратная девочка — одна из тех, что дни напролёт читают книги по домоводству и вышивают крестиком. Возможно даже, она умеет прясть пряжу и вязать. А раз так, она свяжет Блошкинсу свитер из собачьей шерсти (её у Блошкинса целых три пакета), и проклятый его радикулит пройдёт.

Старик улыбнулся тишине в гостиной (где сидела пай-девочка Фрю) и собственным раздумьям. Теперь мысль о том, чтобы пожить некоторое время под одной крышей с этой девочкой, не казалась ему такой отвратительной и ужасной. Можно сказать, наоборот — она казалась ему вовсе не дурной. Блошкинс научит её столярничать и выращивать помидоры, варить варенье и читать ему на ночь кровавые детективные истории про шпионов. Он больше не будет одинок!

Эта свежая мысль одновременно пугала и восхищала Блошкинса, словно он стоял на пороге какого-то гениального открытия. Словно он вдруг изобрёл средство для радости — сам, своими руками. Заметьте, средство не для роста волос и не для борьбы с сорняками, а для радости! Ведь Фрю, которая, несомненно, прочтёт и выучит наизусть его свод, станет отличным средством! Возможно, самым лучшим средством, когда-либо придуманным человечеством, от радикулита, одиночества и массы других досадных вещей!

Он вдруг стал ужасно весёлым. Он даже стал тихонько притоптывать ногами и отбивать по кожаной столешнице бравурную дробь. Всё-таки это

здорово, чего скрывать, что Фрю набрела именно на домик Блошкинса, а не на чей-то ещё. Старику очень захотелось сделать ей что-нибудь приятное. Ну конечно! Он сейчас быстренько вскипятит воды и приготовит ей пихтовую ванночку! А сам будет печь блинчики! Она наверняка любит блинчики! Например, с малиновым вареньем. Или с икрой? У запасливого Блошкинса найдётся и то и другое!

Но все эти милые и такие приятные мысли испарились, стоило лишь Блошкинсу переступить порог гостиной. Честно говоря, он её не узнал — свою гостиную, всегда такую чистенькую и уютную. Всё, буквально всё в ней, начиная с коврика на полу и заканчивая занавесками на окнах, было вышито крестиком. Крестиком, вы только подумайте!

На полу в позе лотоса сидела довольная Фрю, прижимая к груди пяльцы. В них был вставлен любимый клетчатый плед Блошкинса, тоже наполовину вышитый крестом.

— Тебе нравится? — сияя, спросила Фрю. — Мне хотелось сделать тебе какой-нибудь подарок. За то, что ты меня спас от лютой смерти.

Блошкинсу не понравилось, что ему тычут. Он стоял белый как мел (обычно он был коричневым) и не знал, что с собой делать. Ему очень хотелось накричать на эту гадкую, на эту мерзкую Фрю! И возможно, даже поколотить её! Да, выдрать ремнём как сидорову козу! Вы только посмотрите на весь этот бедлам! В любимой гостиной Блошкинса не осталось ни одного живого, не вышитого места. Это был кошмар. Это был такой кошмар, что Блошкинс стал задыхаться. От возмущения и досады! Каков глупец — решил, что способен превратить эту дикую, необузданную Фрю в шёлковую паиньку. Да она чихать хотела на все его своды. Это видно по её бесстыжим сиреневым глазам и хулиганским замашкам!

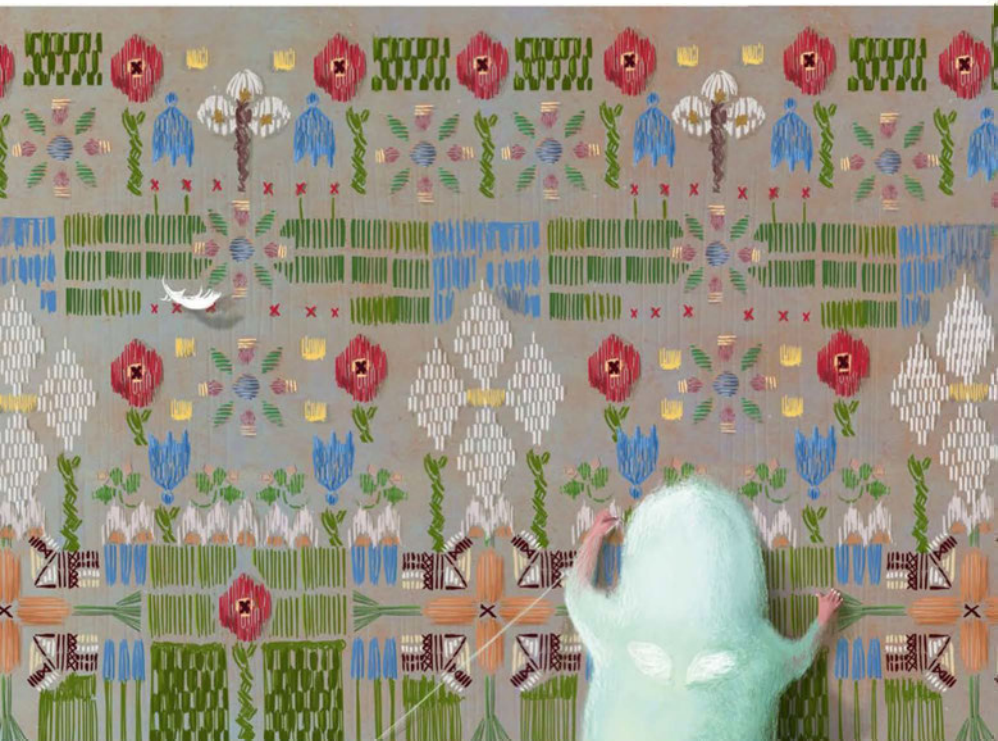
Кажется, Фрю почувствовала, что перегнула палку. Она озабоченно огляделась по сторонам и сказала тихо:

— Если тебе не нравится, я всё уберу. Вернее, переделаю.

Но у Блошкинса даже не нашлось сил, чтобы ей ответить. Он был вспыльчивым стариком, но быстро умел остывать. Он снова сумел погасить в себе гнев и лишь молча опустился в любимое кресло. Он закрыл

глаза и посчитал в уме до десяти. А когда он их опять открыл, то увидел наконец, что вышивала Фрю.

Это был луг. Ромашково-васильково-маковый луг, который самым чудесным образом расцвёл посреди декабря в гостиной у Блошкинса. Разумеется, он был не живой, а всего-навсего вышитый нитками мулине. Но от этого он ничуть не становился хуже. Наоборот, это был самый красивый луг, на котором приходилось бывать старику Блошкинсу.



5. Никуда не годные крылья

— Понимаешь, я голодала. Поэтому ушла.

— А что, у вас там совсем есть было нечего?

— Знаешь, лето было дождливое, а зима пришла слишком рано.

— Это всё отговорки. Для таких лентяев, как вы.

— Кто это — мы?

— Обитатели Крылатой долины. Ты же оттуда?

— Да... А как ты догадался?

— По крылышкам. Они у тебя хоть и никудышные, но тем не менее.

— Да? А я думала, их в шерсти совсем не видно, — смутилась Фрю, сразу выпрямляя спину.

Крылья у неё были действительно никудышные — маленькие и серые, как у комара. Блошкинс вообще с трудом себе представлял, как с такими крыльями кто-кто умудряется ещё и летать.

Словно прочитав его мысли, Фрю сказала:

— В такую пургу они, увы, бесполезны. Мне с ними даже от земли не оторваться. А вообще, к лету они у меня красивеют.

— Так не говорят, — поморщился Блошкинс. Он не любил, когда коверкали язык.

— А как? — удивилась Фрю.

— Говорят, крылья становятся красивее. Ударение на второй слог, — подчеркнул он. — Понятно?

— Угу, — кивнула Фрю. Она была понятливой девчонкой. И сообразительной, хотя воспитание у неё немного хромало.

— Ну, а родители твои где? — хлебнув из чашки, спросил старик.

— Они потерялись. Однажды ушли в театр и больше не вернулись. Говорят, их по дороге съела Толстая Браногинда.

— Бывает... — кивнул Блошкинс. Честно говоря, он не знал, что следует отвечать в таких ситуациях. Не каждый день тебе рассказывают про смерть собственных родителей, да ещё такую кошмарную. — Я это... соболезную.

— Ой, не надо! — замахала на него лапами Фрю. — Вдруг они ещё найдутся. Я всё-таки не теряю надежду.

— Как же ты набрела на мой дом? — решил сменить тему Блошкинс.

— Сама не знаю. Я просто шла, шла, шла. Сначала была пурга, потом она кончилась. Я съела яблоко — мне подарил его Ли-ку Ежевичная лапа — и снова пошла. Я ночевала в снегу — в нём тепло, как в подушке, и ещё его можно есть и одновременно пить, а по утрам им умываться. А потом я увидела море и лес. И твой дом на опушке. Ну и вот... В общем,

я подумала, что в таком симпатичном маленьком домике наверняка живёт какой-нибудь симпатичный маленький зверь.

— Хм, — ухмыльнулся Блошкинс, поправляя на голове ночной колпак. — А вместо него оказался всего лишь я.

— Вместо кого? — не поняла Фрю.

— Ну, вместо того маленького и симпатичного, — он выставил вперёд свои длинные лапы и повертел ими перед носом у Фрю.

— По-моему, ты очень симпатичный, — честно призналась она. — И ещё добрый.

— Я? — удивился Блошкинс. — Это ты просто меня плохо знаешь.

— Я знаю ровно столько, сколько мне надо, — сказала Фрю, — для того, чтобы жить в твоём доме.

— Ну вот что, — рассердился старик, — хватит мне тут зубы заговаривать. На, почитай лучше правила.

— Ой.

— Что такое?

— А я читать не умею.

— Что, совсем? — расстроился Блошкинс. — Такая большая девица, ай-яй-яй...

Фрю насупилась:

— Зато я умею много чего другого.

— Например? — насторожился Блошкинс.

— Например, пускать мыльные пузыри, кататься с горки, вырезать челюсти из лимонных корок, дырявить льдинки под струйкой тёплой воды, показывать театр пальцев, пускать камешки по воде и палочки по течению, рисовать скачущую лошадку на полях книжки, плести косички из соломинок, рыть окопы и делать прудики, любоваться отражением луны, разглядывать форму облаков, светить под одеялом фонариком, делать каракатиц из одуванчиков, ангелов в снегу и рожки из намыленных волос, жарить булку на прутике, запускать воздушного змея, дышать в пустую банку, повторять одно слово много раз, чтобы послышалось другое, издавать победный клич индейцев, прыгать по лужам, объясняться ручными знаками...

— Подожди, подожди, подожди!

— ...Мастерить бусы из вишен, дуть на пылинки, жевать сосновую смолу, сосать травинки, выдавливать формочками песочное тесто, наряжать ёлку, делать свисток из стручка акации, лазать по заборам, играть в казаки-разбойники, шить из простыней костюмы и наряжаться...

— Стоп, я сказал! — рявкнул Блошкинс.

Фрю осеклась на полуслове.

— Вот именно этого я и боялся.

— Чего ты боялся?

— Что ты поселишься у меня в доме и начнёшь пускать мне тут мыльные пузыри!

— Но это же здорово! — возразила Фрю. — Они бывают разных цветов. А если повезёт, то сразу всех цветов одновременно.

— Они будут лопаться и перепачкают мне все половики.

— Я их тогда постираю. Я умею. Вернее, я научусь.

— Они загваздают мне все обои! И потом, в моём хозяйстве нет лишнего куска мыла!

Фрю насупилась, собравшись в маленький мохнатый комок:

— Не кричи на меня, пожалуйста.

— Извини. Но, если ты хочешь остаться у меня до весны... Ты же хочешь остаться у меня до весны? — В его голосе проскользнула нотка надежды.

— Хочу, конечно, — буркнула Фрю.

— В таком случае тебе придётся соблюдать все правила из моего свода. А читать я тебя научу — это не сложно. И стирать. Договорились?

Фрю немножко помолчала:

— Договорились.

— Ну, вот и отлично. А теперь слушай внимательно и запоминай. — Блошкинс нацепил на нос очки и принялся читать: — Правило № 1. Запрещается...

6. Злейший колбасный враг

Кладовая — это от слова «клад».

Так решила для себя Фрю. В доме её великосветских родителей никогда никакой кладовой не было. Они были не очень хозяйственными и редко бывали дома. Родители Фрю любили путешествовать, ходить в театр и наряжаться. Причём папа любил это даже немножко больше, чем мама. Что, с точки зрения Фрю, было не совсем правильно. Ей бы

хотелось, чтобы папа у неё был такой... одним словом, рукастый. Чтобы он мог гвоздь в стенку одним махом вогнать, при этом не оттяпав себе палец. Или построить ей в саду деревянный домик, как у соседской девочки Брю, — с окном и шпингалетом с внутренней стороны двери. Или смастерить кораблик из щепок и проволоки, чтобы потом всей семьёй запускать его в блестящем алюминиевом тазу.

Но папа совершенно к этому не был готов. Иной раз Фрю казалось, что папа вообще не догадывается о её существовании. Дни напролёт он вертелся у зеркала, подкручивая свои усы так и эдак, и ходил с мамой по магазинам обуви и одежды. А когда он ненадолго возвращался домой, чтобы в очередной раз переодеться и перекусить, он совершенно не замечал Фрю. Словно она была сделана из прозрачного стекла.

С мамой было немножко легче — иногда на неё находило настроение! И тогда мама залезала в кроватку Фрю прямо в босоножках, прижимая её к самой стенке, и рассказывала истории. Это были чудесные истории — про их с папой путешествия. Про дальние страны и другие континенты. Это были очень необычные истории! Не как в тех книжках про котиков с пёстрыми картинками, которые покупал ей в супермаркете папа.

Но, к счастью, безразличие папы и рассеянность мамы (большинство её историй было выдумано: на самом деле мама с папой никогда не бывали на других континентах, они об этом только всегда мечтали, но у них не хватало денег) сказались на Фрю самым положительным образом. Она росла большой выдумщицей и бесстрашной фантазёркой. Никогда она не сидела без дела и всегда умела развлечь себя сама. Для этого ей даже не требовалось кукол или специальной игровой комнаты с розовыми обоями. Достаточно было тенистого сада, ели с дуплом и полной свободы действий. Да, так случается порой, что родительские недостатки превращаются в детские достоинства.

Когда родители Фрю пропали, по Крылатой долине поползли разные слухи. Кто-то говорил о том, что они всё-таки скопили денег и отправились в кругосветное путешествие. Но в таком случае почему они не взяли Фрю с собой? Другие утверждали, что они просто-напросто сбежали из дома,

избавившись от дочери, которая всегда была обузой для этой экстравагантной парочки. Но, положа руку на сердце, Фрю предпочитала верить в трагическую гибель родителей. Ведь если их съела по пути из театра Толстая Браногинда, это значит, что мама с папой её не бросили. Они бы не смогли! Мысль о том, что её бросили, казалась Фрю гораздо страшнее мысли о смерти. А ещё ей страшно хотелось завести себе дедушку, как у соседской девочки Брю. Такого же ласкового, бородатого, с хитрыми маленькими глазами. Своего дедушки у Фрю никогда не было, поэтому ей оставалось довольствоваться соседским. Брю иногда давала его Фрю напрокат. С ним было так здорово пускать мыльные пузыри и дуть в пустые бутылки!

Поэтому, когда Фрю повстречала Блошкинса, всё сразу встало на свои места. Она немного слукавила, когда сказала, что случайно набрела на его дом. На самом деле она приметила его ещё в то утро, когда старик пытался расправиться с почтовым ящиком своей презабавной крюпалкой. Он показался Фрю таким трогательным и одновременно жутко одиноким. Так что решение было принято моментально, ну или почти. Фрю поселится у него (в том, что Блошкинс не будет возражать, она была почему-то уверена) и научит старика всем тем славным вещам, которым научилась когда-то сама.

Но свод правил, а если точнее, свод запрещений, не входил в планы свободолюбивой зверушки Фрю. С ним надо было срочно что-то делать (например, сжечь и развеять по ветру). Вернее, не срочно, а постепенно, ненавязчиво, тихой сапой... Ведь Фрю отлично знала, что старики — невероятно сложные и упрямые создания. Свои привычки они не меняют так — с бухты-барахты.

Никакого сундука с кладом в кладовой Блошкинса не оказалось. Сначала Фрю почувствовала горькое разочарование. Но потом, хорошенько оглядевшись по сторонам, пришла в полный восторг. Такого количества снеди в одном месте она не видела ещё ни разу в жизни! Даже папин любимый супермаркет уступал кладовой Блошкинса в количестве и качестве содержимого.

Здесь было всё. Абсолютно всё! Толстая кровяная колбаса и говяжьи ноги свисали на верёвочках с потолка, распространяя вокруг себя запах копчёного дыма. Гигантские сырные головы во всей своей оранжевой красе возлежали на длинных полках. Корзины с морковью, свёклой, пастернаком и брюквой стояли вдоль и поперёк кладовой вперемежку с сетчатыми мешками лука и чеснока. Связки жгучего перца, гирлянды сушёных баклажанов и грибов, гроздья рябины и черноплодки, сушёные зонтики укропа и аккуратные пучки петрушки украшали стены этой сокровищницы. А ещё здесь были консервы в пузатых трехлитровых банках: маринованные огурцы и опята, помидоры в собственном соку, квашеная капуста, томлёный перец, компот из груш, сок из ранеток... Если бы Фрю умела считать, то насчитала бы сотню наименований. Но она не умела.

Блошкинс посмотрел украдкой на восторженную мордочку Фрю. Ему очень понравился грандиозный эффект, который он произвёл на свою гостью. Ему вообще нравилось удивлять, как оказалось. И ещё радовать. Хотя раньше он особенно никого не радовал и не удивлял — просто не было подходящего случая.

— А картофель я храню в погребе. Чтобы он не пророс, — сообщил Блошкинс. Он чрезвычайно гордился своим умением вести хозяйство и хотел, чтобы это умение оценили другие. — Там у меня ещё кувшины с маслом и крынки со сметаной. Но тебе туда нельзя, — тут же спохватился он. — Ни при каких обстоятельствах.

— Можно мне попробовать кусочек вон той колбаски? — прошептала Фрю, не отрывая голодного взгляда от огромной чёрной колбасы. — Она такая красивая и... ТОЛСТАЯ!

Блошкинс поморщился:

— Вообще-то я берегу её к Рождеству.

Фрю сглотнула слюну и закрыла глаза. Она нюхала. Просто стояла и вдыхала божественный воздух кладовой. Кажется, её даже немного покачивало — как будто от холода или нервов.

— Ну хорошо, — смилостивился Блошкинс, — но только один кусочек.

Он вскарабкался вверх по стремянке, прислонённой к стене, и, достав из кармана большие железные ножницы, отрезал верёвочку, на которой висело вожделенное лакомство Фрю.

Колбаса плюхнулась на пол, чуть не раздавив своим весом малышку. По размеру она была в три раза больше Фрю, эта колбаса. Фрю прыгнула в центр кольца и вцепилась зубами в сочный колбасный бок. Быстро набив рот мясом, она принялась жадно жевать. А прожевав, откусила другой кусок — ещё громаднее. А потом ещё и ещё. Фрю кусала колбасу, как будто та была её злейшим врагом. Словно она объявила колбасе войну и была уверена в своей несокрушимой победе! Вот так, урча и повизгивая от наслаждения, малышка Фрю съела всю парадную колбасу Блошкинса, прикончив её буквально подчистую. И он не нашёл в себе сил её остановить. Колбаса была съедена до самого основания — от неё остался лишь куцый хвостик. Блошкинс подобрал его и аккуратно опустил в банку с сырными корочками. На потом.

Из кладовой ему пришлось выносить объевшуюся Фрю на руках. Идти самостоятельно она уже не могла. Во-первых, её раздуло, как воздушный шар. А во-вторых, с непривычки у неё ужасно разболелся живот. Живя в родительском доме, Фрю привыкла к скромному перекусу наспех чем бог пошлёт.

Колбасу она попробовала впервые.

7 · Пренеприятный тип

В ту ночь Блошкинсу снова приснился сон. Только не про купальный домик и не про родителей, а про него. Во сне, как это ни покажется странным, Блошкинс видел себя — только как будто со стороны. И самое интересное в этом сне было то, что Блошкинс тоже летал. О, это

было волшебно! И так необычно! Ведь Блошкинс знал про себя наверняка, что летать он совершенно не умеет. У него ведь даже нет крыльев! И хвоста.

И всё-таки он летал. Блошкинс летел над лесом (а дело было весной). В морду дул свежий ветер. Сбоку его обгонял косяк перелётных птиц, возвращавшихся в родные края из жаркой Африки.

— Эге-гей! — крикнул Блошкинс журавлям (кажется, это были журавли). — Я лечу, вы это видите?

Его переполняла огромная тёплая радость, и ею хотелось поделиться со всеми.

— Видим, видим, — закивали журавли, пролетая мимо. — Только не забудь, что тебе ещё приземляться!

«Действительно, — подумал Блошкинс, — а как же я приземлюсь? У меня же нет парашюта».

С этой тревожной мыслью Блошкинс проснулся, умылся и пошёл готовить завтрак. Поджаривая французский тост, он всё ещё размышлял о механизме складного парашюта, который неплохо было бы изобрести. На случай, если ему снова приснится что-нибудь в таком духе. Фрю спала — она была страшной соней. К тому же вчера она улеглась далеко за полночь. Весь вечер она лизала сосульки и танцевала с пургой, укутавшись в длинное пальто Блошкинса.

Когда завтрак был готов и стол накрыт (на двоих), в дверь постучали. Холодный пот прошиб старика. Кто это там? За всю длинную жизнь Блошкинса к нему стучались всего два раза. В первый раз это был почтальон, доставивший посылку от Лисены (она была большая и не влезала в почтовый ящик), а во второй — Фрю. Сейчас, в эту самую минуту, к нему стучались в третий. С ноющей иголочкой в сердце Блошкинс пошёл открывать.

На пороге стоял какой-то незнакомый зверь. Блошкинс видел его впервые. Хотя «стоял» — это неправильно сказано. Зверь то и дело подпрыгивал, подскакивал и вообще вёл себя крайне нервозно. Будто прямо перед тем, как постучаться, он случайно уселся на ежа и теперь иголки сильно кололи ему попу.

— Здравствуйте! — вскрикнул незнакомец. — А я, собственно, к вам. Можно я пройду? — Не дожидаясь разрешения, зверь отодвинул Блошкинса в сторонку и пропрыгал по коридорчику прямо в комнату. — О, да у вас уже и стол накрыт! Не скрою, я страшно этому рад!

— Простите, кто вы такой? — Блошкинс почувствовал, как всё внутри у него закипает от гнева.

Тем временем наглец уселся во главе стола и налил себе чаю. В любимую чашку Блошкинса! С цветочками! Которую он моет с содой!

— Пардон, я совсем забыл представиться! — воскликнул зверь. — Меня зовут Прыгобумс. Невероятно приятно с вами познакомиться, господин...

— Блошкинс. И никакой я вам не господин. Прошу вас, уберите со стола лапы.

— Простите! — спохватился Прыгобумс. — Мои манеры оставляют желать лучшего. Кстати, а где тут у вас туалет? Мне, знаете ли, в туалет очень нужно.

— По коридору направо, — выдавил из себя Блошкинс и принялся мысленно считать до десяти.

Когда Прыгобумс вернулся из туалета, Блошкинс досчитал уже до ста. Но это не помогало.

— Ой, Прыгобумс, это ты! — Из спальни вышла заспанная Фрю. — Как же я рада видеть тебя, старина!

— Ба, кого я вижу! Фрю-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у! — заорал Прыгобумс, как будто его резали разбойники. — Дай же мне обнять тебя, дорогая!

Звери обнялись, как старые друзья, и звонко расцеловались. Все это не понравилось Блошкинсу. Просто ужасно не понравилось. Все эти телячьи нежности и наглая фамильярность Прыгобумса выводили его из себя. А что бы почувствовали вы, если бы долгие годы жили в уединении, а потом в один прекрасный день на голову вам свалился бы вот такой Прыгобумс? То-то же. Вот и Блошкинс вдруг почувствовал себя чужим в своём собственном доме. Совершенно посторонним!

Он стоял у краешка стола, теребя уголок скатерти и безмолвно наблюдая за тем, как противный Прыгобумс пожирает его свежие французские тосты. Зверь совершенно не стеснялся, то и дело подливал себе чаю, громко смеясь и нахваливая Фрю за гостеприимство. Он почему-то сразу решил, что это дом Фрю, а Блошкинс тут как раз в гостях. Время от времени Прыгобумс покровительственно похлопывал Блошкинса по плечу, призывая его не смущаться и угощаться чем бог послал.

— Но вы же всё уже съели! — взвизгнул старик. — Все мои тосты! И джем!

— Дружище, не будь жадиной, — укоризненно покачал головой Прыгобумс. — А хочешь чего скажу? По секрету?

— Не хочу!

— А я всё равно скажу, хочешь ты этого или нет, — отмахнулся Прыгобумс, вновь обращая всё своё внимание к Фрю. — Я, друзья мои, не ел, не поверите, целых восемь дней!

— Не может быть! — ахнула Фрю.

— Клянусь своей селезёнкой. Маковой росинки во рту у меня не было ровнёхонько неделю и один день! А всё почему? — Прыгобумс покосился на Блошкинса.

— Почему же? — с вызовом бросил старик, поправляя на голове ночной колпак.

— А потому, что, пока тут некоторые жируют и тосты с маслом едят, в Крылатой долине голодомор! Вы знаете, сколько там народу померло?

— Нет, — от страха и жалости Фрю готова была расплакаться.

— Пока нисколько. Но это дело наживное. Пока пурга не уляжется, даже банальных желудей не достать. Все тайники позанесло к чёртовой бабушке. — Прыгобумс тяжко вздохнул.

Блошкинсу вдруг стало его немножко жаль. Правда, совсем капельку — всё-таки этот Прыгобумс был пренеприятный тип. Но даже к таким типам можно испытывать жалость, если они голодные и холодные. Вдобавок если у них нет одного переднего зуба и они смешно шепелявят.

— Ну что ж, — прошепелявил Прыгобумс, — я, пожалуй, вздремну часок-другой. Вы меня только не будите, ладно? Я сам к ужину проснусь.

С этими словами он прошествовал в спальню Блошкинса и улёгся в его кровать. Прямо в ботинках.

8. На три персоны

На самом деле Прыгобумс не был таким уж пренеприятным типом. Просто он сильно устал, замёрз и был чертовски голоден. И ещё он искренне полагал, что очутился в гостях у своей старой подруги Фрю. А ведь всем известно, что только в гостях у близких друзей чувствуешь себя как дома (а то и лучше). И это дорогого, между прочим, стоит.

Когда же Прыгобумсу объяснили, где он находится (это ненавязчиво сделала Фрю, пока Блошкинс убирал со стола), зверьку стало жутко совестно. От стыда он даже порывался уйти. Но потом передумал, ограничившись тем, что снял ботинки и поставил их на полочку в коридоре.

— Простите меня, господин Блошкинс, — говорил Прыгобумс, наблюдая, как хозяин дома с обиженным видом варит что-то коричневое в кастрюльке. — Я был не прав. Сто тысяч раз не прав! Более того, я был дьявольски невежлив и непростительно груб! Вы меня простите, господин Блошкинс? — Из кастрюльки так вкусно пахло какао, что Прыгобумс не выдержал и облизнулся.

— Я вам никакой не господин, — скупо ответил старик. — И вообще, хватит с меня ваших извинений. Мне они ни к чему. Вот, возьмите, подметите лучше пол. — Он протянул Прыгобумсу веник, вдетый в старый капроновый чулок.

Прыгобумс в недоумении уставился на веник, а потом стал вертеть его в руках так и эдак.

— Вы что, никогда веника не видели? — удивился Блошкинс.

— Почему же? Я видел. Просто мне ещё не доводилось им пользоваться, — откровенно признался Прыгобумс.

— Значит, придётся воспользоваться им впервые.

Прыгобумс снял с себя длинное пальто и оказался в одних кальсонах и вязаной манишке. Блошкинс невольно залюбовался его крыльями. Они были у Прыгобумса большие и покрытые разноцветной пыльцой, как у бабочки. Наверное, на таких деликатных крыльях совершенно невозможно летать в такую погоду. Иначе они испортятся... Сердце старика кольнула зависть. Она была вовсе не чёрная, хотя и не то чтобы абсолютно белая. Она была чем-то серым посерединке — от такой зависти на сердце тяжелее всего. С удвоенным усердием он принялся помешивать булькающее в кастрюльке какао. Будет горько, если из-за какого-то там Прыгобумса оно прикипит ко дну.

— Давай я подмету, — сказала Фрю, забирая у зверя веник. — А ты протрёшь книги мокрой тряпочкой. Только обязательно с шести сторон.

— Нет! — завопил Блошкинс как резаный. — Нет! Не подходите к моему шкафу! Это вас, между прочим, обоих касается! Вон, лучше идите на улицу! Разгребите там снег!

— Но ведь пурга... — возразила было Фрю, но Прыгобумс выразительно посмотрел на неё и принялся одеваться.

— Где твоё пальто?

Когда эти двое наконец ушли, Блошкинс устало опустился в кресло и сделал глоток горячего какао. Оно приятно обожгло горло. Это было какао, сваренное по старому рецепту двоюродной тётушки. Той самой Лисены, а уж она-то знала толк в шоколаде. Но и этот божественный напиток не помог ему поднять настроение, ну или хотя бы немного успокоиться. Он слушал, как во дворе визжат и орут его гости, прыгая по сугробам (вместо того, чтобы их расчищать) и бросаясь друг в друга снежками. На душе у старика было скверно. Особенно скверно стало, когда один снежок прилетел прямо в окошко и наглухо залепил его с той стороны. От всей этой суеты и посторонних криков Блошкинс чувствовал себя не в своей тарелке. Это сидя в собственном кресле! И тем не менее ничего он с этим поделать не мог. Вся беда в том, что был он стариком добрым — где-то там, в глубине души, в самой её сердцевине. Но толстая чёрствая корка, которой он оброс за долгие годы уединения, никак не давала ему насладиться хорошей компанией. И это мучило его сильнее всего.

Блошкинс открутил от крюпалки бронзовый набалдашник и принялся методично его натирать фланелевой тряпочкой. Он отлично знал, что старинные бронзовые вещи нельзя чистить агрессивными смесями — они от этого умирают. Причём незаметно и мучительно, пока мы ни о чём таком ужасном и не подозреваем. Об этом ему поведал смотритель одного музея, с которым Блошкинс вёл давнюю переписку. А ещё давным-давно, в детстве, он побывал в метро мегаполиса и видел там большие бронзовые скульптуры. Это были изваяния людей тёмно-болотного цвета. И лишь коленки у этих людей сверкали, как лампочки. Потому что другие люди, живые, всё время тёрли их — на удачу.

Вот и Блошкинс любил протереть свой набалдашник, когда ему было особенно не по себе. И вообще, он очень любил свои вещи — все до единой. Причём гораздо больше, чем кого бы то ни было ещё на этом свете. Блошкинс был уверен, что у каждой вещи есть маленькая душа. А вот про окружающих он этого сказать бы не смог со всей определённостью. Даже про самых сносных. Если честно, то некоторые окружающие казались ему бездушными черствяками! Например, сейчас один из них лепил снежную бабу в палисаднике Блошкинса. Это вместо того, чтобы убраться отсюда куда подальше. Ну, или в крайнем случае подмести за собой пол.

В комнату ворвалась Фрю — вся искристая с мороза. От неё даже шёл пар — так её разгорячила игра.

— Прыгобумс попросил морковь! — весело сказала она. — Можно я в кладовой возьму?

— Нельзя.

Блошкинсу было не жалко морковь. Вернее, жалко, но не так сильно, как себя. Ему вдруг стало ужасно жалко себя. А почему его никто не позвал лепить снежную бабу? Он, конечно, в любом случае не пошёл бы, но всё-таки? Он что, не зверь? У него что, на морде написано, что никакую снежную бабу ему лепить абсолютно не хочется? Потому что ему, кстати говоря, именно что хочется! Да ещё как! Изваляться как следует в снегу, катая шары, а потом воткнуть бабе в голову отличную крепкую морковь. Произвести, так сказать, элегантный завершающий штрих!

— Я так и думала, — послушно кивнула Фрю. — Я просто на всякий случай спросила.

— Что ты там себе ещё думала? — разозлился Блошкинс. — Что мне какой-то дрянной морковки жалко? А вот и нет. Я тебе сейчас её сам принесу!

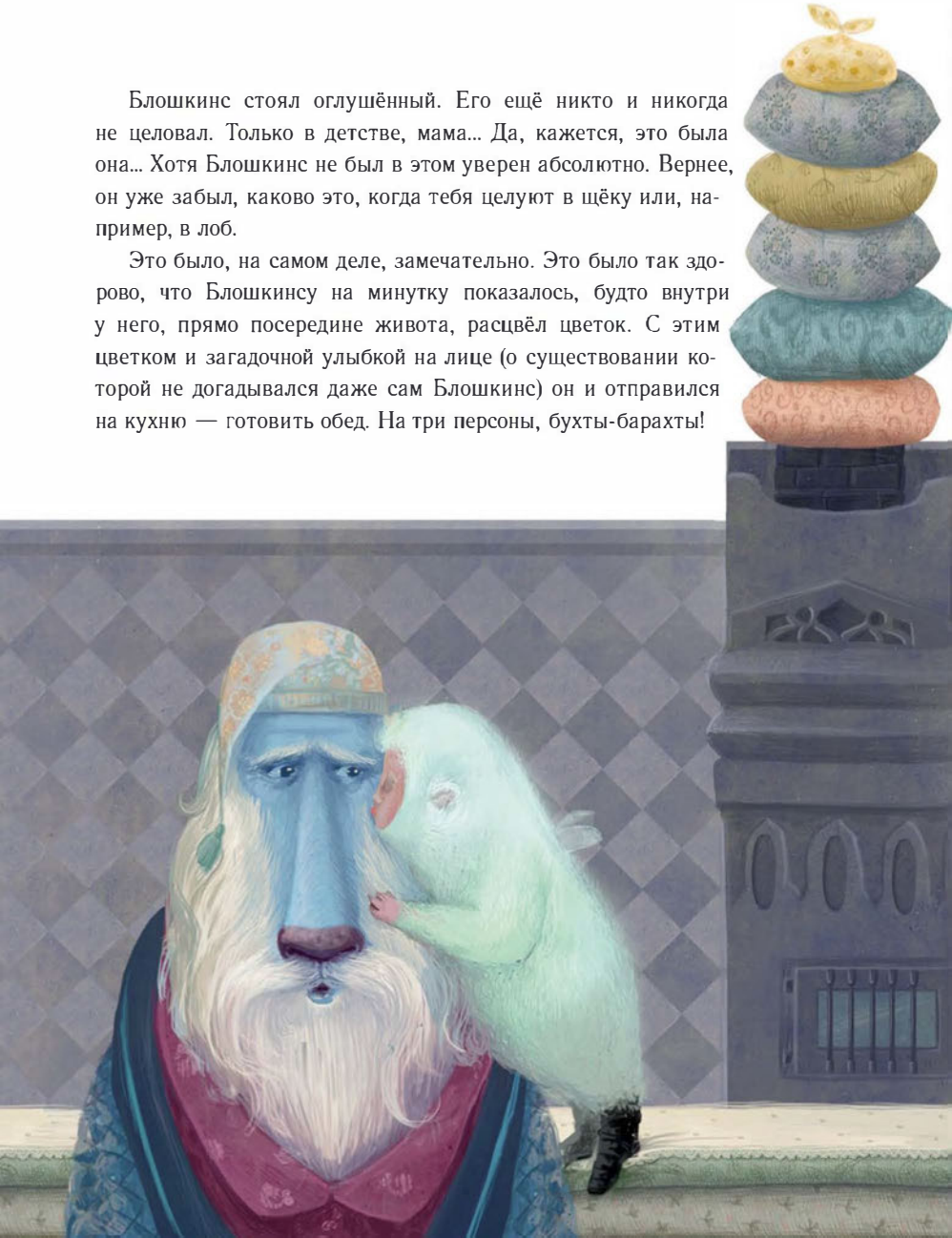
С этими словами Блошкинс решительно поднялся с кресла и прошествовал в кладовую. Там он выбрал самую большую и яркую морковь, которая только у него была, и с торжественным видом вручил её Фрю:

— Вот, держи.

— Спасибо! — просияла Фрю. Она встала на цыпочки и звонко чмокнула старика в щёку. А потом за ней захлопнулась дверь.

Блошкинс стоял оглушённый. Его ещё никто и никогда не целовал. Только в детстве, мама... Да, кажется, это была она... Хотя Блошкинс не был в этом уверен абсолютно. Вернее, он уже забыл, каково это, когда тебя целуют в щёку или, например, в лоб.

Это было, на самом деле, замечательно. Это было так здорово, что Блошкинсу на минутку показалось, будто внутри у него, прямо посередине живота, расцвёл цветок. С этим цветком и загадочной улыбкой на лице (о существовании которой не догадывался даже сам Блошкинс) он и отправился на кухню — готовить обед. На три персоны, бухты-барахты!



9. Бородавка, которую ничем не свести

Вы, наверное, думаете, что так они и прожили всю зиму втроём до самой весны — Блошкинс, Фрю и Прыгобумс. Но нет. Всё сложилось совсем по-другому. И не потому, что Блошкинс устал от своих гостей и однажды их выгнал. Отнюдь! Со временем Блошкинс

привык к сосуществованию с ними в одном пространстве (впрочем, далеко не всегда мирному) и даже стал получать от него скромное удовольствие.

Ему нравилось, например, когда Фрю чесала его за ушами — прямо через ночной колпак. А Прыгобумс в это время играл на маракасах. Играл пронзительно и чувственно, хотя маракасы совсем для этого не приспособлены. Или когда Фрю усаживалась за стол, открывала азбуку и начинала читать. Сначала она это делала по слогам. Но Блошкинс оказался хорошим учителем — спокойным и внимательным. Он не кричал на Фрю, когда та путала букву «Б» с буквой «В», и не устраивал истерик, если она в сотый раз не могла правильно прочитать слово «солнце». Наоборот, ему доставляло колоссальное удовольствие слушать, как Фрю при этом запинается и мило бормочет. Потому что он чувствовал буквально всем нутром, что в его (именно в его!) руках находится сейчас судьба Фрю. Блошкинс полагал, что умение читать может в корне изменить любую судьбу. Будь то человек или зверь. Ведь перед читающим зверем открываются такие пространства, такие горизонты, которые зверю не читающему даже и не снились. Старик то и дело намекал об этом Прыгобумсу и даже один раз устроил ему экскурсию в собственный кабинет. Но Прыгобумс был слишком непоседлив даже для того, чтобы просто взять и выучить алфавит. И ещё он стеснялся своей шепелявости.

Вскоре Фрю весьма бегло научилась читать. Теперь она днями не вылезала из зелёного кабинета, устроившись в капитанском кресле и поглощая одну оранжевую книгу за другой. Не в прямом, а в переносном смысле, конечно. Это был её любимый цвет. И хоть оранжевая полка располагалась весьма высоко, именно с неё Фрю начала знакомство с литературой. А точнее, с книжки про рыжую девчонку с длинным и труднопроизносимым именем.

Старика это вполне устраивало. Никто не бегал и не прыгал по дому (непоседа Прыгобумс предпочитал это делать на свежем воздухе), не вышивал крестиком половики и не докучал Блошкинсу расспросами. И признаться, вечера в тёплой компании новых друзей нравились старику (к его

собственному удивлению) гораздо больше, чем вечера наедине с самим собой. Даже то, что письма от родственников стали приходить всё реже и реже, не сильно расстраивало Блошкинса.

Всё в старом коттедже на опушке леса шло своим чередом и было идеально. Ну, или почти (всё-таки Прыгобумс ужасно храпел во сне, всячески игнорируя свод правил). Мела метель — вот уже несколько недель подряд, а Блошкинс продолжал видеть цветные сны. Были они в основном о полётах — над морем, лесом, летним лугом, похожим на тот, что вышила Фрю... Старик грешил сначала на ночной колпак — в последнее время он совсем прохудился, а заменить его было нечем. Все магазины в бухте Барахте до лета закрыты. Однажды под покровом ночи Блошкинс снял его украдкой с головы и аккуратно заштопал в двух местах. Он надеялся, что заплаты уберегут его от навязчивых сновидений. Но этого не произошло. Беспокойные сны о полётах и собственном давно позабытом детстве так и продолжали сладко мучить старика.

А потом в жизни Блошкинса появился Бобстер. Он пришёл во время той жуткой пурги, что всё не унималась, и остался насовсем. Вот так — просто и без затей. И Блошкинс даже не устроил ему сцену. Одним зверем больше, одним меньше — какая, в сущности, разница? Ведь в кладовой у Блошкинса припасов на десять зим вперёд.

Бобстер отличался от Фрю и Прыгобумса, причём очень сильно. Во-первых, он не был выходцем из Крылатой долины (хотя на спине у него тоже росли крылья). Откуда он был родом — было непонятно. Блошкинс стеснялся спросить, а сам Бобстер не был словоохотлив. Во-вторых, Бобстер не обладал тем весёлым и беззаботным характером, который имели Прыгобумс и Фрю. Бобстер был типичным бобстером, и этим всё сказано. Он не болтал попусту, старался поменьше двигаться и вообще экономно расходовал свою энергию в течение дня. Днём он предпочитал спать — на половичке в коридоре, хотя Блошкинс не раз предлагал уступить ему свой гамак.

Зато по ночам... да-да, Бобстер был ночным животным, как сова или, скажем, ёжик. Но что именно он делал по ночам, куда ходил и чем в это

время занимался — этого никто не знал. Однажды Прыгобумс решил проследить за ним, чтобы за чаем было о чём посудачить с Блошкинсом и Фрю. Накинув пальто, он незаметно вышел в ночь вслед за Бобстером и прокрался за ним до самого берега. Но нечаянно наступил на корягу и взвыл, чем моментально выдал себя и навлёк страшный гнев Бобстера. Тот чуть не убил бедолагу, решив, что впотьмах его преследует Толстая Браногинда.

— Что ты тут делаешь? — спросил у него Прыгобумс, придя в себя.

— Иди домой, — тихо ответил Бобстер. — Пожалуйста, иди домой.

С этими словами он скрылся в ночном тумане (на небе не было ни одной звезды) и появился лишь под утро, сразу завалившись спать. На носу у спящего Бобстера зияла глубокая свежая рана.

Дело в том, что Бобстер ненавидел Толстую Браногинду. Ненавидел люто, будучи уверенным в том, что именно она виновата во всём на свете. В чём именно, спросите вы? Ну, например, в том, что зимой жутко холодно и практически нечего есть. Или в том, что в неделе всего одно воскресенье. И даже в том, что на лбу Бобстера недавно выросла бородавка, которую ничем теперь не свести. И уж конечно, именно Браногинда виновата в том, что по ночам его мучает бессонница.

Поэтому-то каждую ночь он выходил на кровавую битву. Будучи твёрдо уверенным в том, что это последняя кровавая битва в его судьбе. Он бродил во тьме, всё вынюхивая и высматривая, а напав на свежий Браногиндин след, пускался в погоню. Обычно толстухе удавалось ускользнуть от страшных зубов Бобстера. Она была хитра и ловко путала в снегу следы. Но иногда Браногинда всё же попадалась в его когтистые лапы, и ей ничего не оставалось, как принять смертный бой.

Боролись они, как титаны, — молча и терпеливо. Вокруг летали перья, клочки рыжей шерсти, обрывки усов... Морды обоих были исполосованы свежими ранами, а уши изгрызены в пух и прах. Расходились они лишь под утро, за всю ночь так ни слова и не сказав друг другу. Каждый знал, что завтра или послезавтра им суждено встретиться вновь. И с этим ничего нельзя поделать...

Тем же утром Блошкинс, Фрю и Прыгобумс отправились на рыбалку. Блошкинс любил зимнюю рыбалку гораздо больше летней. Для неё он даже изобрёл специальную удочку с подогревом. На эту удивительную удочку замечательно ловились разные морские рыбы. А однажды Блошкинс поймал на неё живую русалку. Правда, старик её потом отпустил, предварительно накормив хлебными крошками и подарив свою старую цигейковую шубу. Иногда он чувствовал себя страшно щедрым и сам себе удивлялся в такие моменты.

Моря не было. Вернее, оно было, но там, глубоко подо льдом. Поэтому его как будто и не было вовсе. Море было похоже на заснеженный луг. Или на аэродром — Блошкинс однажды видел его в синематографе. Или на огромную белую пустыню. Только вместо песка был снег. Он лежал везде — покуда хватало глаз. А ещё висел в воздухе, кружился, метался, залезал в рот и нос, набивался в валенки, приставал к усам. Пурга никак не унималась и не давала ему, снегу, покоя и отдыха.

Рыбачить в таких условиях было нелегко — что правда, то правда. Но Блошкинс не привык отступать перед трудностями. Он просверлил во льду лунку, предварительно подогрев его лампой собственного изобретения, достал складной табурет и принялся удить. Фрю и Прыгобумс в это время резвились в снегу.

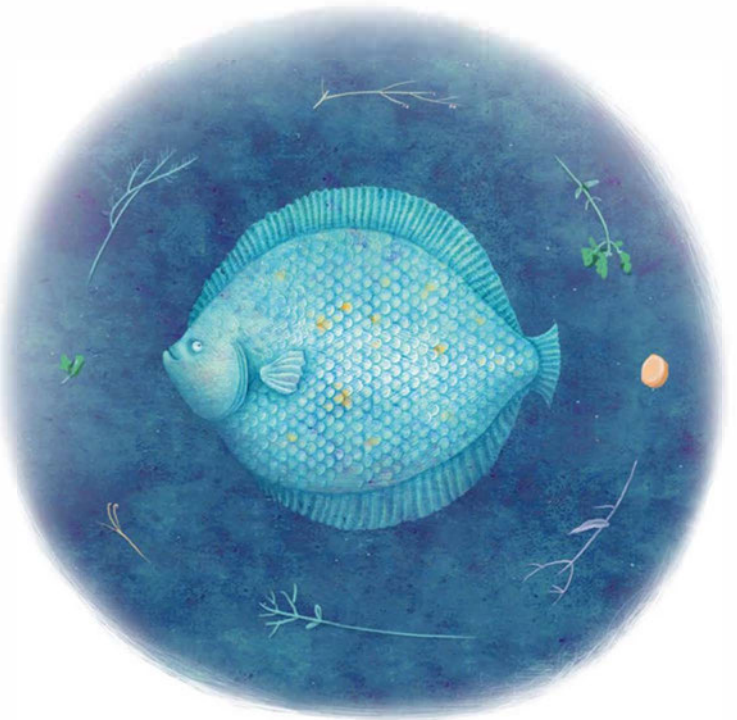
«Как дети, честное слово», — с нежностью подумал старик. Ему вдруг захотелось сбросить десяток-другой годков и пуститься во все тяжкие. Кувыркаться в снегу, швыряться снежками и, конечно, летать. Летали Фрю и Прыгобумс виртуозно! Эти двое были просто воздушными асами. При этом они не прикладывали к полёту никаких особенных усилий. Оба просто отдались на волю пурги и, подхваченные ветром, кружились с хохотом в толстом белом воздухе. Совсем не заботясь о том, что могут промочить крылья.

«Вот бы и мне так», — успел подумать Блошкинс. Но тут на его крючок попалась рыба (кажется, это была камбала), и старику пришлось изрядно с ней повозиться, прежде чем он вытащил её из моря.

Она была очень вкусная, эта камбала, жареная в масле с перцем и лимоном. И хватило её на всех, даже осталась добавка. Ведь Блошкинс

лучше любой хозяйки знал, как вкусно приготовить рыбу практически без отходов.

А перед сном, отправив Бобстера в очередное ночное путешествие (снабдив его термосом с бутербродами), он сварил из костей, головы и сушёного укропа наваристый бульон. Завтра он приготовит королевскую уху. На всех четверых, бухты-барахты.



10. Безмолвствующий пароходик

Рассказывать о мечтах, стучать в наполненные водой бутылки, смотреть на улицу через стёклышки, рисовать на замороженном окне, шуршать осенней листвой, начинать ужин со сладкого, лепить пистолетики из хлеба, трясти яблоню, надев на голову тазик, выжигать на фанерке своё имя, щекотать соломинкой пятки друг друга, рыть в сугробе пещеру, кормить голубей семечками, жарить на костре колбаски, нюхать пасти щенков...

— И ты всё это правда умеешь? — восторженно спросил Шасилкинд. Он сидел на табурете, который был ему слишком высок, и болтал короткими лапами.

— А то! — с гордостью ответила Фрю. — И много чего ещё, между прочим. — Она набрала в рот побольше воздуха и продолжила: — Наряжаться дедушкой, приклеивать фальшивые усы и фотографироваться, печь в углях каштаны, писать самому себе письма и отправлять их с почтальоном...

— Кто это? — сердито перебил её Блошкинс. — Кто это такой, я вас спрашиваю? — Старик сдвинул лохматые брови и поэтому казался в эту минуту особенно страшным. Он даже перестал походить на самого себя, а напоминал скорее кого-то другого. Кого-то из страшной старой сказки, в конце которой детей варят в котелке, а потом едят.

— Это Шасилкинд, — представила гостя Фрю. — Он был жутко голоден, поэтому я скормила ему остатки вчерашней ухи.

Сам Шасилкинд, конечно, ужасно испугался старика. Он ведь пока не был с ним знаком. Да и вообще, это был довольно робкий зверёк. Таким уж сотворила его природа — застенчивым, худеньким и страшно симпатичным. Даже Блошкинс отметил про себя, какой этот Шасилкинд всё-таки писаный красавец. Особенно понравились ему Шасилкиндовы уши — длинные, как у осла, и цвета сёмги. Но старик не подал виду, он всё ещё напускал на себя строгость, таращась на очередного незваного гостя. Хотя что толку таращиться и хмуриться, если в конце концов Шасилкинд останется у него зимовать? Как и все его предшественники? Вот именно — абсолютно никакого толка в этом нет.

— Прекрасно! — сказал Блошкинс, упирая на обе «р», и прошествовал в свой кабинет. Ему вдруг захотелось посидеть в тишине и полюбоваться на пароходик. Он не делал этого вот уже несколько дней — всё было недосуг. То одно, то другое, знаете ли. Наверное, пароходик тоже соскучился по нему. Сейчас, сейчас, родной, я всё тебе расскажу! Про всех этих прыгобумсов, бобстеров и шасилкиндов, вместе взятых!

Но, усевшись в капитанское кресло и взяв в лапы бутылочку из-под духов, Блошкинс не нашёл что сказать своему молчаливому собеседнику. А ведь обыкновенно с ним было так приятно поболтать по душам! Сейчас же Блошкинсу показалось глупым и даже постыдным сидеть и разговаривать с какой-то там деревяшкой, заключённой в кусок стекла. Он как будто взглянул на самого себя со стороны: вот он сидит тут, запершись на шпингалет, и дуется на весь свет. В то время как в маленькой натопленной гостиной его ждут друзья.

Друзья? От этой мысли Блошкинса бросило в жар. Отродясь не водилось у него друзей — только дальние родственники. Да и друзья ли они ему — Прыгобумс, Бобстер, Фрю?.. Ведь когда-нибудь и зиме придёт конец (какой бы длинной она сейчас ни казалась), и все они без исключения уберутся восвояси. И даже не оставят ему адреса для переписки. Ведь так оно и будет, верно?

Так уж был устроен старик, что всегда готовился к самому худшему — будь то голодомор или бесконечное одиночество. Больше всего на свете он не любил разочаровываться. А чтобы ни в ком не разочаровываться, достаточно лишь никем не очаровываться. Тогда всё у тебя будет в порядке. Да, вот так всё просто было, по Блошкинсу.

Но в последнее время старые привычки и правила Блошкинса не казались ему такими уж незыблемыми. Взять ту же Фрю. Дни напролёт она проводит в его кабинете — перебирает книги, трогает их своими лапами... Нет, она очень аккуратная и всё такое. К книгам Фрю относится так же бережно, как к собственным зубам (которые она чистит четыре раза в день пепельной золой). Но ведь ещё пару недель назад Блошкинс пришёл бы в бешенство, увидев, как кто-то роется у него шкафу! Теперь же вид Фрю, углублённой в один из его любимых томиков, вызывал в душе Блошкинса ошеломляющий прилив нежности.

Перемены. Странные и страшные перемены ощущал в себе старик Блошкинс. И это нравилось ему и не нравилось одновременно. Он чувствовал, что стоит на пороге... чего-то... Словом, на каком-то пороге,

который надо ещё суметь переступить. Но просто Блошкинс не был уверен в том, что он сумеет. И захочет.

В дверь постучали.

— Кто там? — раздражённо отозвался старик.

— Это Фрю. Мы немного проголодались.

— И что?

— Ну, ты же не разрешаешь самим брать еду из кладовой. Вот мы и подумали, что, может быть, ты нам что-нибудь приготовишь?

Внутри у Блошкинса потеплело. Признаться, ему нравилась роль шеф-повара, которую он сам себе отвёл. Нравилось ему смотреть на довольные мордочки гостей, уплетающих за обе щеки его стряпню, отвешивающих ему неуклюжие комплименты и просящих два раза добавки. Чертовски всё это ему нравилось!

— Я вам что, кухарка? — сердито спросил он из-за двери.

— Нет, что ты! — ахнула Фрю. — Просто... Нет, ничего. Извини, пожалуйста, что я тебя отвлекла.

Блошкинс услышал удаляющиеся вниз по лестнице шаги.

Ну вот, взял и опять обидел Фрю. Что ему стоило сказать ей что-нибудь приятное? Например, такое: сегодня я приготовлю для вас коронное блюдо — пирог с вёшенками! Тем более что он запланировал этот пирог ещё позавчера и даже уже замесил тесто. Но нет — снова эта чёрствая корка! Всё дело в ней. Это она никак не даёт Блошкинсу быть самим собой.

Старик с раздражением отодвинул от себя безмолвствующий пароходик. Ладно, пожалуй, стоит спуститься и поглядеть ещё раз на этого Шасилкинда (снизу доносился его приятный голосок). Да и тесто пора выкладывать, а то ещё убежит. Надеюсь, его хватит на... раз, два, три... пятерых, бухты-барахты!

11 · Мучной клейстер

Декабрь подходил к концу. Пурга всё не успокаивалась, заметая бухту снегом, укутывая её в толстый белый плед. Снег падал и падал — казалось, небо прохудилось именно над домиком Блошкинса и скоро его завалит окончательно, по самую крышу с трубой. Хорошо, что неутомимый Бобстер разгребал по ночам маленькие угодья Блошкинса, сваливая снег в большую кучу за забором. Яблони, груши

и абрикосовые деревья не потеряли ни единой веточки — всё тоже благодаря Бобстеру. Казалось, он смахивал с них каждую снежинку, любовно отряхивая деревья мягким веником, вставленным в чулок.

Первой про Новый год заговорила Фрю. Признаться, Блошкинс никогда не отмечал традиционных праздников. Он вообще никаких не отмечал — только обводил их кружочком в своём настенном календаре. Ведь что такое праздник? А именно Новый год. Это, во-первых, суета. Во-вторых, это незапланированные расходы. В-третьих, необузданное веселье и, конечно, обжорство. Ничего из вышеперечисленного Блошкинс не любил. Так на что же, позвольте узнать, сдался ему какой-то там Новый год? Но Фрю было не переубедить.

— Нам нужна ёлка, — со знанием дела говорила она. — Лучше всего искусственная — живую жалко рубить, а ёлка должна стоять внутри дома. Вы меня понимаете?

— Ну, ёлка, положим, это не проблема, — сказал Блошкинс. — Я могу смастерить её из подручных... гм-гм... средств.

— Правда? Я тебя за это обожаю! — завопила Фрю и бросилась обнимать Блошкинса.

— А игрушки у тебя есть? — поинтересовался Прыгобумс. Ему тоже очень хотелось как следует отметить Новый год. Преимущественно потому, что Блошкинс как-то обещал откупорить по такому случаю бутылочку виноградной шипучки. Прыгобумс давненько на неё зарился.

— Ты меня обижаешь, — фыркнул Блошкинс. — Никаких игрушек у меня нет. Но скоро они у меня будут.

— Ты купишь их в магазине? — смущённо спросил Шасилкинд. Он очень любил ходить по магазинам и смотреться в витрины. Ему нравилось то, что он там видит. А видел он там самого себя, вернее, своё красивое отражение в окружении красивых вещей. Это было захватывающее зрелище!

— Ещё чего! Ты меня по миру хочешь пустить? Я их сам сделаю, вот этими самыми лапами. Вернее, мы сделаем их все вместе, — сказал Блошкинс и загадочно полез на антресоли.

С антресолей он спустился с большой и пыльной коробкой в руках. Старик сдул с неё, казалось, вековую пыль и торжественно распорядился:

— Так, усаживайтесь все за стол. Прыгобумс, слезь, пожалуйста, с подоконника, тебя это тоже касается. Все сели? Отлично. Сейчас я принесу клейстер и ножницы. Подождите минутку.

— А что в коробке? — сонно спросил Бобстер. Он не любил, когда его будят посреди дня, и туго соображал в такие моменты.

— Я знаю! Там набор разноцветной бумаги и картона, — сказал Шасилкинд и чихнул. — У меня дома такой есть. Мы из него с бабушкой китайские фонарики делали, пока она не умерла.

— Твоя бабушка умерла?! — ужаснулась Фрю. Она её хорошо, оказывается, знала.

— Да, буквально пару недель назад, — грустно кивнул Шасилкинд.

— В старости многие умирают, — философски заметил Бобстер. Его не очень волновали чужие бабушки, и он не собирался это скрывать.

— Она умерла не от этого, — пискнул Шасилкинд, и подбородочек у него затрясся. — Она недоедала!

— Надоедала?

— Не надоедала, а недоедала! Она всю еду отдавала нам — своим внукам, а сама ела снег. Потому что больше у нас есть было нечего.

— Какой ужас, — сказала Фрю.

— Вот именно, — ответил Шасилкинд и вдруг разрыдался.

Бобстер поморщился. Кроме чужих бабушек, он не любил, когда кто-то ревёт в его присутствии. Поэтому он сказал:

— Мы все умрём. Кто-то раньше, а кто-то позже. Нечего по таким пустякам нюни распускать.

Кстати, Бобстер вовсе не был бездушным, как вы только что подумали. Он был прямолинейным, но не бездушным. И в этом вы скоро сами убедитесь.

— Вот, свежий мучной клейстер! — В гостиной снова появился Блошкинс. Он просто весь сиял, как начищенный содой кофейник. Он ещё

ни разу ничего не мастерил в кругу друзей — только в одиночестве, и ему не терпелось поскорее начать.

Старик открыл коробку и принялся выкладывать на стол всё её содержимое. Оно было такое любопытное и разномастное, что Шасилкинд моментально успокоился и разулыбался во весь рот. На зелёной бархатной скатерти стали появляться печёные каштаны, шишки, жёлуди, коряги самой необычной формы, камешки с дырочкой, морские ракушки — плоские и загогулинами, пучки сушёных водорослей, яичные и ореховые скорлупки, куски коры, сушёные листья разных пород деревьев, минералы, бутылочные стёкла, обточенные волной, семена... Словом, здесь были все те бесценные сокровища, которые Блошкинс собирал в лесу, на пляже и в полях на протяжении всей своей жизни.

— Из этого получатся прекрасные игрушки! — захлопала в ладоши Фрю.

— Ты так считаешь? — усомнился Прыгобумс. — Может, всё-таки сходим в магазин?

— Нет! — завопил Шасилкинд. — Давайте делать сами! В честь моей драгоценной бабушки!

— Ну ладно, — согласился Прыгобумс. Он уже намазывал клейстером половинку ореховой скорлупы.

— А потом вы будете кататься с горы, — сказал Бобстер.

— С какой горы? — спросили все хором.

— С ледяной.

— А у нас что, есть ледяная гора?

— Ну да, — скромно кивнул Бобстер и с этими словами отодвинул на окне занавеску.

Звери прильнули к стеклу. За забором, посверкивая в лунном свете, стояла шикарная ледяная гора. Прошлой ночью её сделал Бобстер — как всегда, втихомолку. И не потому, что его попросили или ему сильно хотелось покататься на санках. А просто потому, что ему некуда было девать снег, который он сметал с абрикосовых деревьев. Но это ведь тоже неплохая причина, правда?

12. Съеденный велосипед

Приготовления к Новому году шли полным ходом. В них были задействованы все, даже Бобстер. Не вставая со своего коврика и толком не просыпаясь, он надувал воздушные шарики. Вот именно, он делал это прямо во сне! Благо у него были большие лёгкие и нос трубочкой. На него было очень удобно надевать шарики. Фрю потом плела из них великолепные гирлянды.

Шасилкинд очень увлёкся изготовлением ёлочных украшений. Он вдруг понял, что это его призвание. В смысле, то самое призвание — единственное и неповторимое. Раньше он думал, что вообще ни на что не пригоден. Разве что делать себе причёски и завивать кисточку на хвосте. А тут, оказывается, у него настоящий талант! Да ещё какой! У Шасилкинда получались такие замечательные украшения, особенно из желудей, что Прыгобумс ему даже чуть-чуть завидовал. У него таких не получалось.

— Зато ты здорово моешь окна, — успокаивала его Фрю.

Это было, кстати, правдой. Прыгобумс прыгал вверх-вниз, вверх-вниз с мыльной тряпкой в руках и таким образом перемыл в доме все окна. Даже на чердаке!

— К Новому году всё должно просто сиять, — твердила Фрю, полируя паркетный пол в гостиной. — А мебель мы завтра натрём пчелиным воском.

Блошкинс смотрел на все эти приготовления философски. Раз народу так нравится, то почему бы и нет? Хотя, конечно, порой ему было тошно наблюдать за тем, как Фрю двигает стулья в его гостиной. Она затеяла перестановку, начитавшись книг по фэншуй. Это такое китайское учение о правильном расположении предметов в пространстве, которое Блошкинс не понимал и не принимал. Он считал, что кресло должно стоять у камина, а не в самом тёмном дальнем углу. А круглый обеденный стол — под оранжевым абажуром с бахромой, а не у окна. Там ведь дует! Но он пересилил себя и не стал спорить с Фрю. Фэншуй приносил ей истинное наслаждение, которого старик не хотел её лишать.

Сам он третий день подряд мастерил ёлку, запершись в мастерской. Из чего он её мастерил и какой она будет конструкции было тайной за семью печатями. Ну, или рождественским сюрпризом — кому как больше нравится. Поэтому о том, что в доме появились новые гости — Тротски и Крански, — Блошкинс сначала и не подозревал. Тротски и Крански были братьями-близнецами. Только Тротски был толстый, а Крански — худой. Вы, наверное, подумали, что Тротски много ел, а Крански, наоборот,

недоедал (как бабушка Шасилкинда). Однако всё было с точностью до наоборот. Тротски кушал мало — преимущественно мух, а Крански ел всё подряд, без разбора. Он мог сгрызть велосипед и даже не подавиться! И при этом он совершенно не поправлялся.

Так что со стороны было незаметно, что эти двое — родные братья. Двух столь разных близнецов — внешне и внутренне — было больше не найти. Поэтому их появление чрезвычайно обрадовало Фрю. Впрочем, она одинаково радовалась всем вновь прибывшим.

Фрю накормила Тротски мухами (они нашлись в специальной коробочке для сушёных зимних мух), а Крански случайно съел велосипед Блошкинса. Просто он был жутко голоден и не смог сдержаться!

— Это всё, — подавленно сказала Фрю, разглядывая остатки Блошкинсова велосипеда.

— Нет, тут ещё педали и звонок, — довольно заметил Крански. — Я потом их доем.

— Я имею в виду, что Блошкинс тебя с потрохами съест, когда выйдет из мастерской.

— Правда? — испугался Крански. Тротски, кстати, тоже испугался — из-за съеденных подчистую мух.

— Может, и не съест, конечно, — передумала Фрю, — но уж точно жутко расстроится. Это, кстати, был его любимый велосипед. Он его сам собирал из металлолома.

В гостиной повисло напряжённое молчание. Прыгобумс и Шасилкинд тоже притихли, зная не понаслышке о вспыльчивости старика. А Бобстер, по своему обыкновению, спал.

— Вы просто в следующий раз сначала спрашивайте, прежде чем что-то съесть. Особенно что-то такое экстравагантное, вроде велосипеда, — подумав, сказала Фрю.

— И пожалуйста, не съедайте наш патефон, ладно? — попросил Шасилкинд. — А то мы под него собрались устроить на праздник танцы.

— А вы будете отмечать праздник? — обрадовался Тротски. — А то мы тоже очень любим отмечать всякие праздники! Очень!

— Особенно если на праздник предусмотрено какое-нибудь угощение, — добавил Крански. — Без стоящего угощения и праздник не праздник.

Тут в комнату вошёл Блошкинс. Он был весь в древесных опилках, а с усов у него свисали красивые свежие стружки. Он сразу заметил толстого Тротски, а худенького Крански — не сразу. Ему ужасно не понравился вид очередного гостя. С таким сытым и довольным видом он наверняка сразу полезет в кладовую и прикончит там все драгоценные припасы. В последнее время они убывают с катастрофической скоростью, как Блошкинс ни экономит (в основном на себе). Пять ртов — это вам не шуточки! Вернее, теперь уже шесть... Постойте-ка, или уже семь?

Старик наконец заметил Крански, который прятался за креслом и дрожал (из-за съеденного велосипеда). Но, узнав о том, что его железного любимца слопали и не подавились, Блошкинс ни капельки не расстроился. Просто совершенно! Наоборот, он просиял, а потом принялся выспрашивать у Крански всякие подробности:

— То есть ваш желудок способен переваривать металл? Но это же феноменально! У вас, мой любезный, выдающийся желудочно-кишечный тракт! Скажите, друг, а минералы вы не пробовали глотать?

— Чего? — сконфузился Крански и уткнулся глазами в пол. Он не привык к такому пристальному вниманию к своей персоне. Особенно со стороны зверя, который недавно собирался его сожрать с потрохами.

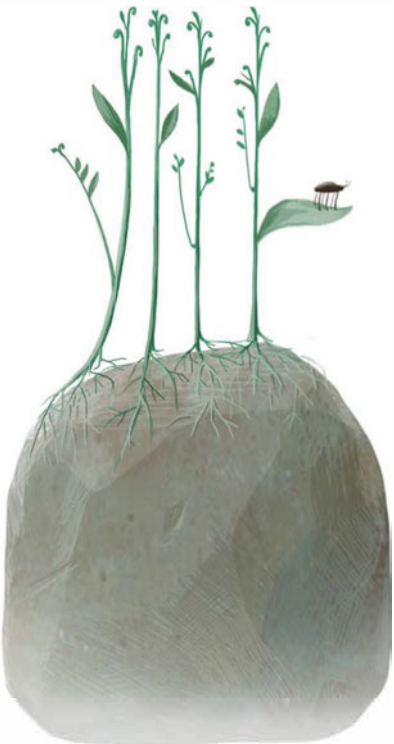
— Я говорю, камни вы есть не пробовали?

— А! — обрадовался Крански. — Едал, едал, как же! Особенно я люблю голыши, поросшие водорослями. Они такие солёненькие! Я их летом на берегу собираю.

— А я люблю мух, — вставил Тротски. Ему было немного обидно, что Блошкинс его больше не замечает.

— Это гениально! — старик хлопнул в ладоши и отправился в коридор. Там у него был припрятан здоровенный голыш. Так, на всякий случай. Кажется, такой случай сегодня как раз представился.

Но поедание голыша пришлось отложить на потом: Кранский был абсолютно сыт, а камни лучше всего глотать на голодный желудок. Тогда они хорошо усваиваются.



13. Куча мечты

Фрю попала в погреб случайно. Вернее, не совсем случайно — всё-таки она сама туда забралась. Открыла люк и спустилась вниз по колченогой стремянке. А всё потому, что Прыгобумс с самого утра затеял играть в прятки. Он всё время водил, и прятаться от него скоро стало негде. Не так уж много укромных уголков было в коттедже у Блошкинса. Фрю уже пряталась в кладовой и под столом в кабинете. И даже на кухне — она залезла в короб с дровишками. Но там уже

сидел Шасилкинд. Со страшным шипением он вытолкал Фрю из кухни в коридор, где за лыжами прятались Тротски и Крански. Правда, Тротски всё равно было видно, хоть он и крепко жмурился — Прыгобумс его потом сразу нашёл.

Так что у Фрю просто не было другого выбора — оставался один погребок. Она, разумеется, прекрасно помнила о самом страшном запрете Блошкинса — никогда и ни при каких обстоятельствах не спускаться в погреб! Фрю не раз задавала себе вопрос (не решаясь задать его самому старику): а, собственно, почему? Может, у него там зарыт сундук с несметными сокровищами? Не пиратскими, а какими-нибудь фамильными? Или, быть может, там живёт старое привидение? Или прячется вурдалак?!

Все эти ужасы мерещились Фрю в потёмках, пока она спускалась вниз. Этот спуск показался ей длиною в вечность. Очень глубокий у Блошкинса был погребок! Вскоре она нащупала шнурок и сразу же дёрнула его.

Включился свет. Он был не яркий, но Фрю и так всё быстро разглядела и поняла. Она вдруг поняла, что не картофель и не крынки со сметаной прячет от окружающих Блошкинс. И кажется, прячет на протяжении долгих-долгих лет...

Несчастный, одинокий старик.

Фрю вдруг стало его ужасно жалко — так жалко, что она чуть не разревелась.

Она опустилась ещё на одну, последнюю ступеньку. Босые ступни коснулись утоптанного земляного пола. Фрю протянула лапку и взяла одно крылышко, самое миниатюрное — оно лежало рядом с той пыльной кучей.

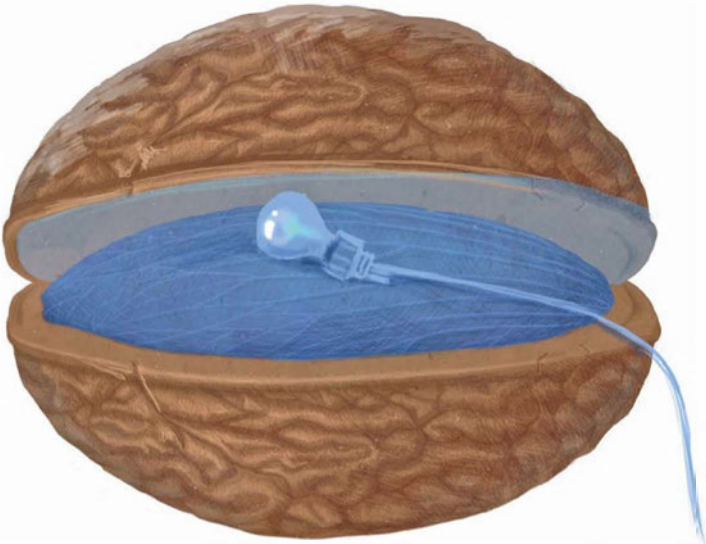
Кучей больших и маленьких, овальных и треугольных, картонных и деревянных, из перьев, войлока, ваты, полиэтилена и застиранных простыней крыльев.

Всю жизнь мастерил старик эти крылья. Он начал ещё в далёкой юности. Он испытал уйму всяких инженерных решений, испробовал массу подручных материалов и спроектировал сотни разных конструкций. Наверное, ни одна из них не сработала, потому что в конце концов он всё

бросил и свалил крылья здесь, под землёй, в одну большую бесформенную кучу хлама. С глаз долой! Из сердца вон! В буквальном смысле Блошкинс похоронил свою мечту — в погребе собственного дома.

Вот о чём подумала Фрю, глядя на вещественные доказательства того, что когда-то Блошкинс умел мечтать. И мечтал летать. Мечтал, но не мог, даже будучи мастером на все руки.

Она потушила свет, вылезла из погреба и аккуратно накрыла крышку половиком. Она ничего не скажет Блошкинсу про то, что видела. Она ни о чём у него не спросит. Чужие мечты лучше всего оставлять нетронутыми.



14. Гирлянда из ореховой скорлупы

Блошкинс позволил нарядить ёлку лишь накануне Нового года. Она вышла у старика замечательная! Ничуть не хуже живой, хотя была сделана из подручных средств. Делать пригодные в быту вещи из всякого хлама доставляло Блошкинсу невероятное удовольствие. Он чувствовал, что для каждой такой новой-старой вещи

становится настоящим отцом. Или даже матерью! Ведь именно он, Блошкинс, вдыхает в безликие подручные средства новую жизнь! Разве это не чудо?

Поэтому совместное украшение ёлки принесло старику море положительных эмоций. Когда он вешал на ветку домик из яичной скорлупы, с любовью выгрызенный Шасилкиндом, он вновь почувствовал себя ребёнком. Маленьким мальчиком Блошкинсом в коротких штанах на лямках. Старику даже почудилось, что он наряжает ёлку отнюдь не в первый раз. Что он уже это делал когда-то. Но когда? И главное, с кем? Не с Фрю же и не с Прыгобумсом, в самом деле! Но это невероятное чувство (кажется, оно называется дежавю) никак не отпускало Блошкинса. А когда он надел на маковку ели посеребрённую луковицу, оно стало ещё сильнее. Правда, вскоре это необычное состояние прошло, однако Блошкинс хорошо запомнил его. И потом ещё долго вспоминал, пытаясь вызвать его самостоятельно, но тщетно: такие удивительные вещи не происходят по принуждению.

Новогодняя ель расположилась в парадном углу гостиной. Бобстер затопил камин, потушил свет и включил гирлянду из ореховой скорлупы. В каждую такую скорлупку была вставлена миниатюрная лампочка, которая мигала и так и эдак. В гостиной стало ещё уютнее. Разноцветные огоньки отражались в тёмном зеркале буфета, в бокалах на празднично накрытом столе, в хрустальных бусах люстры и оконных стёклах, заметённых снегом с той стороны. В доме было тепло и тихо, под потолком тикали часы, а на улице всё выла и выла пурга. Звери спали, экономя силы для ночного празднования. Все, кроме ночного зверя Бобстера и неутомимого Блошкинса, колдующего над новогодним ужином.

Ах, что это был за ужин! Просто грандиозный! В тот вечер Блошкинс решил не жадничать (хотя решение далось ему с превеликим трудом). Размашистым жестом он откупоривал банки с солониной — одну за другой, небрежно чистил овощи, толсто нарезал сыры и колбасы. Во имя праздника он даже пожертвовал своим лучшим окороком! Он бережно снял его с крюка, что был вделан в потолок, и, прижимая к впалой груди, отнёс

на кухню. Он уложил окорок на большое керамическое блюдо, украсил его зелёным горошком, отварным картофелем и морковью и водрузил в самый центр стола.

А ещё Блошкинс приготовил гигантский ромовый пудинг — заранее, ещё вчера. Ровно в полночь он зажжёт его, потом разрежет на семь кусков и разложит по тарелкам. Друзья будут есть пудинг, пить горячий глинтвейн с гвоздикой и тихонько говорить о том о сём. Это будет чудесно!

Блошкинс отодвинул занавеску и заглянул в гостиную. Он невольно залюбовался спящими вповалку у камина зверями. Какие они все хорошие, когда спят... Особенно Фрю. Как мило сложила она крылышки и свернулась клубочком! А Шасилкинд сунул нос себе под хвост, чтобы стало ещё теплее.

Бобстер сидел в кресле-качалке и шёпотом напевал что-то под нос. Он взглянул на Блошкинса, высунувшегося из-за занавески, и понимающе улыбнулся. Ему ничего не пришлось объяснять. В этот миг Бобстер чувствовал те же покой и безмятежность, ту же теплоту, что переполняли сердце Блошкинса. Такие моменты тишины и спокойствия — сродни вселенскому счастью — очень редки. Кажется, случаются они только перед великим праздником, а ещё — перед каким-нибудь очень важным событием в жизни человека или зверя. Стоя на пороге своей гостиной, Блошкинс остро чувствовал, что в его жизни такое событие уже не за горами.

На стене пробили ходики — ровно одиннадцать раз. Что ж, пора будить лежебок, бухты-барахты.

15. Бокал с виноградной шипучкой

— Попрошу минуточку внимания! — крикнул Прыгобумс и постучал десертной ложечкой по бокалу с виноградной шипучкой.

— Что такое? — всполошились все.

— Ничего. Просто я хочу произнести тост. Можно? — спросил Прыгобумс и поправил на себе галстук. Это был старый галстук

Блошкинса — зелёный в розовую бабочку. Прыгобумс выпросил его насовсем.

— Конечно, можно! — весело отозвался Блошкинс.

У него было шикарное настроение. Ещё бы! Ведь стол ломился от угощения, а вокруг сидели друзья, которые уплетали его за обе щеки да ещё и нахваливали. Блошкинс любил, оказывается, когда его хвалят, хотя сам узнал об этом только сейчас. Раньше его некому было похвалить и погладить по голове.

— Спасибо, гм-гм, — важно сказал Прыгобумс и прочистил горло.

— Не могу, ты такой смешной! — рассмеялась Фрю и чуть не подавилась маринованным рыжиком.

— В чём дело?

— В этом галстуке! Как будто ты не Прыгобумс, а я не знаю кто! Сам хозяин лесопилки!

— Кто? Я?! — ужаснулся Прыгобумс. Он страшно боялся этого угрюмого бородатого человека.

— У хозяина лесопилки нет такого замечательного галстука, — вступился за него Блошкинс. — И вообще, не мешайте ему произносить тост. Он и так очень нервничает.

— Я нисколько не нервничаю! — крикнул бедный Прыгобумс и промокнул на лбу пот краешком скатерти.

— Тогда начинай, нам уже не терпится, — хором сказали Тротски и Крански, — отведать этого окорока.

— Ну всё, вы меня совершенно сбили с мысли! — завопил Прыгобумс и как ошалелый запрыгал на стуле. — Я теперь категорически не помню, что именно хотел сказать!

— Ты хотел сказать тост, — спокойно напомнил ему Бобстер.

— Это я как раз прекрасно помню! А вот про что он был, я абсолютно забыл!

— Давай я ударю тебя по голове поварёшкой, и ты сразу всё вспомнишь, — любезно предложил Шасилкинд, вынимая поварёшку из вазы с глинтвейном.

— Нет! Я лучше сяду и поем. И на сытый желудок всё сам потом вспомню. — Прыгобумс уселся за стол и принялся усердно жевать селёдку.

— Давайте тогда скажу я, — неожиданно предложила Фрю. — Я, конечно, никогда раньше не произносила тостов, но я попробую. Хотите?

— Хотим!

Фрю залезла с лапами на свой табурет и сделала торжественное лицо:

— Я хочу выпить эту шипучку за того, кто её сделал. И пожелать ему новую заветную мечту!

— И это всё? — Прыгобумс приподнял одну бровь. — Ничего же непонятно. Ты кого имела в виду?

— Цыц, — цыкнул на него Бобстер. — По-моему, всё предельно ясно. — С этими словами он опрокинул в себя шипучку и зажмурился от удовольствия.

Остальные тут же последовали его примеру. В носы им ударили весёлые пузырьки. Всем, кроме Крански — зверёк выплеснул шипучку на ковёр и с хрустом сжевал свой бокал.

— Спасибо, друзья, — сказал Блошкинс.

Его очень растрогал тост маленькой Фрю. Он чуть не прослезился, хотя сам не понял до конца, что она имела в виду. Ведь Блошкинс не предполагал, что Фрю знает про его крылья.

— А теперь давайте есть, веселиться и делать всё, что нам только заблагорассудится! — снова оживился старик.

— Правда? А почему?

— Потому что Новый год уже наступил. И по такому случаю я отменяю все свои правила. Но учтите — только до шести утра!

— Ура! Ура! — завопили звери на разные голоса. — Ура!

Именно в этот момент в дверь постучали. Поэтому сразу стук никто не услышал. Тому, кто стоял за дверью, пришлось постучаться ещё несколько раз, чтобы ему наконец открыли.

И этим кто-то оказался никто.

16. Призы-сюрпризы

Новый лохматый гость стоял посреди гостиной и ронял на вощёный паркет крупные холодные капли. Скоро с него набежала целая лужица — это он оттаивал. Беднягу так занесло снегом,

что сначала он напоминал простой снежный ком. Но под ледяной коркой оказался вполне хорошенький пушистый зверь с двумя длинными хвостами и крыльями. Крылья у него были чёрные-пречёрные, как у ворона. Да и сам зверёк был чёрен с головы до пят. Правда, на нём были жёлтые носки. Шерсть у гостя была волнистая и длинная, как у ангорского козлёнка. Она намокла и прилипла к телу, и теперь зверёк казался страшно худым.

— Ты кто? — ласково спросила у него Фрю. Они были со зверьком примерно одного роста и комплекции. Только Фрю была белая и хвост у неё был один.

Зверёк затравленно огляделся и сказал неожиданно глубоким голосом:

— Я не знаю.

— Как?

— Вот так. Хотя, наверное, я никто, раз я сам не знаю, кто я.

— Подожди, но имя-то у тебя есть? — спросил Шасилкинд. Он держал в одной лапе варёный кукурузный початок, а в другой — обглоданную куриную ногу.

— Я не знаю, — опять ответил зверёк.

— Что, совсем? — хором удивились Тротски и Крански. Им было очень жалко новоприбывшего. Ведь совсем недавно они стояли ровно на его месте.

Зверёк молча кивнул.

— Беда, беда... — покачал головой Бобстер. Ему не терпелось завести патефон и пуститься в пляс. Недаром же он был ночным животным.

— Ну, вот что, — авторитетно вставил Блошкинс, — вы лучше снимите с него носки и посмотрите, что там написано.

— А что, там что-то написано? — удивилась Фрю.

— Там должна быть метка с его именем и адресом, — сказал Блошкинс. Сам он всегда пришивал такие метки на все свои вещи. На всякий пожарный случай.

— Будь добр, сними, пожалуйста, носки, — ласково попросила зверя Фрю. Ей очень не хотелось зря его пугать или чем-то ненароком обидеть.

— А это обязательно? — У зверька был смущённый вид. — Я вообще-то их никогда не снимаю.

Фрю посмотрела на Блошкинса. Тот скупо кивнул, мол, да, без этого никак.

Зверёк глубоко вздохнул и принялся стягивать с себя носки. Сначала левый, а потом правый. Сняв, он передал их в лапы Фрю. Кажется, она нравилась ему больше всех.

Фрю напустила на себя серьёзный вид и стала читать, молча шевеля губами. Она читала уже бегло и всё же очень боялась ошибиться. Ведь речь шла не о каких-то там глупостях, а о самом дорогом, что только есть у зверя, — его добром имени.

— Сто-про-цент-ный-хло-пок, — по слогам прочитала Фрю. — Да, точно! Его зовут Стопроцентный Хлопок!

— Тебя действительно так зовут? — усомнился Бобстер. Ему показалось, что это какое-то не подходящее для зверя имя.

— Я не знаю, — пожал плечами тот.

— Раз так написано на носках, значит, это чистая правда, — отрезал Блошкинс. В таких вещах он разбирался получше некоторых. — А про адрес там что-нибудь есть?

— Ничего, — отозвалась Фрю.

— Ну и ладно. Садись за стол, Стопроцентный Хлопок. Ты же, наверное, голоден, как сто тысяч морских чертей?

Зверька уговаривать не пришлось. Он моментально уселся на ближайший стул и с урчанием набросился на печёную курицу с яблоками. Он прикончил её в один присест (прямо со всеми косточками) и взялся за свиную рульку.

Тем временем Бобстер подбросил в камин дровишек, завёл патефон, и звери пустились в пляс. Танцевали все (даже Шасилкинд, хотя он клялся, что танцевать не любит и не умеет) — кто во что горазд. Прыгобумс скакал по креслам и диванам, фальшиво подпевая заезженной пластинке. Тротски и Крански медленно вальсировали в братских объятиях друг друга. Бобстер выделывал какие-то сложные коленца, норовя ткнуть

кого-нибудь локтем в бок. Фрю грациозно кружилась вокруг своей оси, напоминая хорошенькую игрушечную юлу. И даже Блошкинс не удержался и выдал гопака (это с его-то радикулитом!), хотя музыка для этого была не совсем подходящая.

А потом они вдруг взлетели — все одновременно, словно по волшебству! Словно невидимый дирижёр дал им отмашку палочкой! Все, кроме Блошкинса. Он так и остался стоять на полу, запрокинув голову и любуясь на вдохновенный полёт своих друзей под потолком. Они кружились вокруг абажура, размахивая в такт музыки великолепными крыльями. Оранжевыми, бирюзовыми, изумрудными, шоколадными! А у Тротски они были красные в зелёную клеточку (а у Крански — с точностью до наоборот).

Когда пластинка кончилась и все немного отдышались и решили ещё раз перекусить, выяснилось, что Стопроцентный Хлопок съел всё. В буквальном смысле этого слова — ВСЁ подчистую. На столе остались лишь пустые миски и блюда, одно из которых Крански немедленно проглотил.

Но ничто в эту ночь не смогло бы испортить настроение Блошкинса.

— Не волнуйтесь, друзья! — сказал он. — У нас ещё есть ромовый пудинг. Сейчас я принесу его из кухни, и мы его съедим! А потом будем играть в фанты. С призами-сюрпризами!

— С призами-сюрпризами? — воскликнула Фрю и счастливо рассмеялась, обнажив ровный ряд сверкающих клыков.

Но поиграть в фанты им, увы, не пришлось. Потому что в дверь постучали.

— Опять?! — охнул Блошкинс и как подкошенный рухнул на стул.

Новые гости? С бурчащими от голода животами? С грязными лапами? С неизвестно каким ещё характером и запахом изо рта?

Блошкинс закрыл глаза. Глядя на него, друзья настороженно притихли. С одной стороны, им ужасно хотелось отведать ромового пудинга. И желательно, чтобы его хватило на всех. А с другой, им было жалко того, кто стоял сейчас на пороге их дома. Ведь все они без исключения побывали точно в такой же ситуации. В одной и той же шкуре!

— Давайте притворимся, что нас тут нет, — шёпотом предложил Прыгобумс. — Выключим свет и притаимся. Авось он уйдёт.

— Кто — он? — спросила Фрю.

— Ну этот, незваный гость.

— Как тебе не стыдно! — рассердилась Фрю. — Он там мёрзнет сейчас, как цуцик, а ты!

С этими словами она бросила на Прыгобумса испепеляющий взгляд и пошла открывать.

Простите, но в этот раз мы не будем рассказывать про то, кто именно появился на пороге Блошкинсова дома. Потому что, во-первых, и вам, и нам это уже порядком надоело. Нам рассказывать, а вам — слушать. А во-вторых, какая, в сущности, разница, кто именно там был? Потому что, кто бы там ни был, Блошкинс пустил бы его даже в том случае, если бы ему самому пришлось уйти из дома. За неимением свободных койко-мест и лишней еды.

Мы скажем лишь, что слухи о гостеприимном хозяине старого коттеджа на опушке леса расползлись далеко за пределы бухты Барахты и достигли самой Крылатой долины, в которой бушевали пурга и голод. Поэтому на сей раз гостей оказалось значительно больше, чем обычно. Их было раз, два, три, десять, двенадцать, шестнадцать... Нет, пожалуй, мы собьёмся со счёта, если начнём всех перечислять. Словом, их было много. Даже очень много. Так много, что ангельское терпение и неиссякаемое гостеприимство Блошкинса всё-таки взяли и иссякли. А вместе с ними пришёл конец и его хорошему настроению.

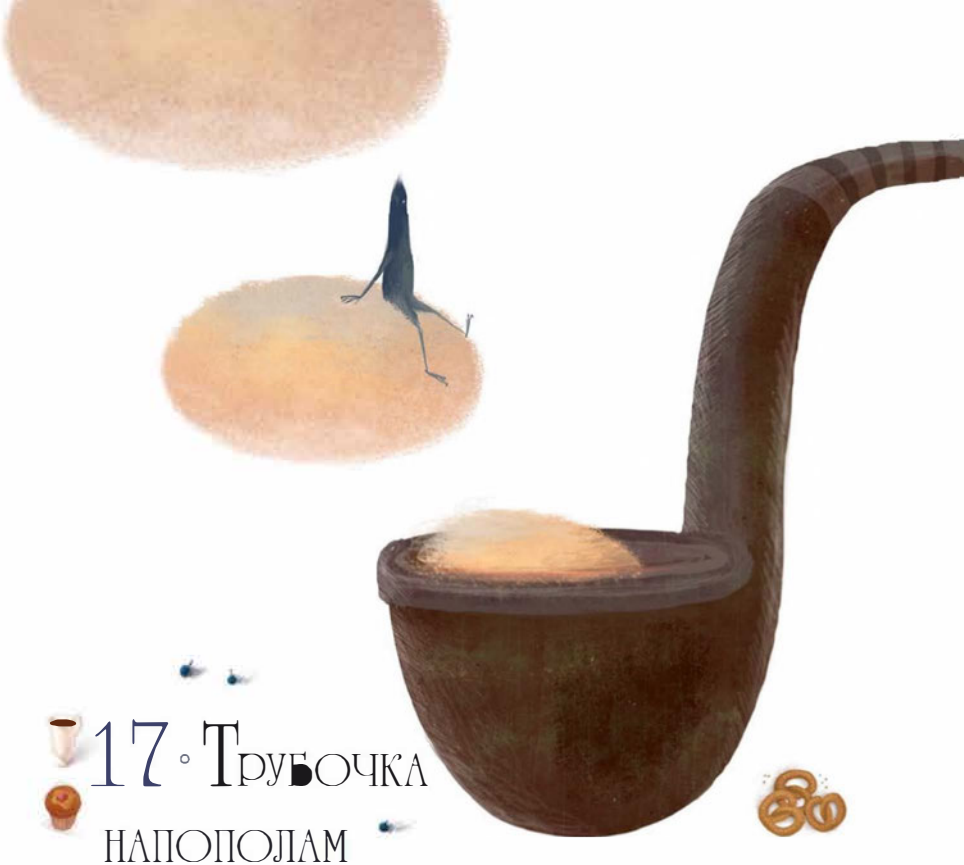
Последней каплей стало то, что вновь прибывшие, обнаружив, что на рождественском столе совершенно не осталось угощения, без спроса залезли в кладовую (пока Блошкинс ходил за ромовым пудингом) и всё там съели. Все годовые запасы Блошкинса, включая сырой лук и чеснок! Особенно свирепствовали хехорлики — да-да, те самые, что спёрли у старика морковь четыре года назад. Они даже порывались спуститься в погреб, но бесстрашная Фрю преградила им путь, показав зубы, и заявила, что сделают они это только через её труп.

Всё это было, конечно, ужасно. Грубо и невоспитанно вели себя новые гости. Но не забывайте, что они были смертельно голодны. Представьте себя на минутку на их месте. Представили? И как бы повели себя вы в подобной ситуации?

Когда звери поняли, что на съестное им больше рассчитывать нечего, они завалились спать. Прямо в спальне у Блошкинса. Прямо на его кровати. Все вместе, с немытыми лапами, — чтобы было теплее. Всё-таки они ужасно вымотались в дороге, пока отыскали славный старый коттедж. Что и говорить — храпели звери зверски! Так, что стены тряслись, а в окнах дрожали стёкла.

Светало. Блошкинс сидел за разорённым столом в полном одиночестве. Его друзья тоже уснули, так и не поиграв в фанты с призами-сюрпризами. За окном всё мела и никак не кончалась пурга. Блошкинс встал. Обул валенки, надел тулуп и ушанку, взял в коридоре лыжи, заплечный мешок и вышел на улицу.

Он не хотел больше участвовать в этом светопреставлении. Не хотел чувствовать себя чужим в собственном доме. Поэтому он ушёл. Вернее, уехал, оставляя за собой красивую ровную лыжню.



17 · Трубочка напополам

Обиженные пытаются обидеть, а счастливые — осчастливить.

Блошкинс честно пытался осчастливить всех. Всё это разнокалиберное беспризорное зверьё. Он очень старался! На то, чтобы запросто дарить счастье, нужна, оказывается, масса душевных сил. Но в итоге у него всё равно ничего не вышло. Вышло так, что обидели его самого.

Блошкинс медленно шёл на лыжах, прокладывая в сугробах лыжню и оставляя по бокам глубокие лунки. Хотя прокладывай не прокладывай — всё равно ей больше никто не воспользуется. Даже сам Блошкинс. Потому что, во-первых, через час её напрочь заметёт пурга. А во-вторых, в это время года лишь безумец способен отправиться туда, куда шёл сейчас Блошкинс.

Блошкинс отнюдь не был безумцем. Наоборот, всю жизнь он считал себя прагматиком до мозга костей. Зверем-стоиком, крепко стоящим на ногах. Но недавно что-то у него внутри надломилось, и всё переменилось. И сам он себя не узнавал. Он изменил своим многолетним привычкам, перестал экономить, протирать книги с шести сторон, говорить по душам с пароходиком. Он даже перестал отвечать на письма родственников! А эти цветные сны о полётах совершенно измучили старика. Они снились ему теперь каждую ночь.

А ещё он вдруг понял, что ему совершенно не нравится жить в одиночестве. Ему нравится, засыпая, слышать за стенкой бубнёж Прыгобумса. А просыпаясь, чуять запах подгоревшей глазуньи, которую забыла на сковородке Фрю. Нравится ему раскурить на ночь глядя трубочку напополам с Бобстером. И наряжать Шасилкинда в старые шёлковые платья, доставшиеся ему от прабабушки. Он даже успел привыкнуть к Тротски и Крански, к этим необычным, таким разным близнецам! А ведь знает он их всего-то ничего.

Так зачем же, спрашивается, уходит он сейчас из дома? Да ещё навсегда! Навсегда! Вы чувствуете весь трагизм этого страшного слова?

Блошкинс и сам точно не знал, почему уходит. Скорее он это чувствовал. Он чувствовал, что любимые друзья не очень-то его ценят и не очень-то о нём заботятся. Видимо, они не очень-то его любят (по крайней мере гораздо меньше, чем любит их Блошкинс). Не очень-то они будут по нему скучать. Скорее всего, они и вовсе не заметят его исчезновения. Может, только под вечер, когда от голода у них забурчат животы. Тогда-то им понадобится старик Блошкинс. Только его уже не будет. Он сгинет. Он пропадёт. А они, эти неблагодарные, пусть поплачут. Пусть поскорбят над его

могилой, пускай почувствуют, каково это — жить без Блошкинса. Может, тогда у них наконец откроются глаза!

Накручивая себя таким образом, нагоняя на себя мрачные мысли, Блошкинс шёл и шёл вперёд. Ни снег и ни стужа не способны были в эту минуту остановить старика. И даже если бы вдогонку за ним отправились, скажем, Прыгобумс и Бобстер и в конце концов нашли бы его, полуживого, в каком-нибудь сугробе, даже в этом случае Блошкинс не повернул бы назад. Он разозлил себя уже достаточно для того, чтобы злость и обида на какое-то время перебили чувство любви и привязанности к дорогим друзьям.

Да, злость и обида — вот что руководило в эти минуты Блошкинсом, направляя его лыжи в место, страшнее которого нет и никогда не было в целом мире. На мыс Отчаяния.

18. Мыс Отчаяния

Фрю первой хватилась Блошкинса. Она проснулась раньше всех и пошла на кухню — варить утренний кофе. Он хранился в жестяной банке с бегемотом, на верхней полке, и вчерашние гости до него не добрались.

Они тоже уже проснулись и вовсю готовились к завтраку — вылизывали шкурки, выкусывали блох и чистили носы. В общем-то, они были

неплохими зверями, как оказалось с утра. И большинству из них было страшно стыдно за вчерашнее. За то, что они таким наглым образом опустошили закрома Блошкинса. И испортили ему весь праздник, вдобавок измяв и перепачкав постель. Большинству, но не хехорликам. Им вообще никогда и ни за что не было стыдно. Просто в их организме отсутствовал ген неловкости.

— А где Блошкинс? — растерянно спросила Фрю, входя в гостиную. Всё здесь было вверх дном. На полу валялись погрызенные кем-то стулья (Крански божился, что это не он), со стола так никто и не убрал, а камин никто и не подумал зажечь.

— Эти хотят перед ним извиниться, — Фрю подвигала бровями в сторону спальни, — а его нигде нет.

— Может, он с горки катается? — предположил Прыгобумс. — Ты во дворе смотрела?

— Я уже везде смотрела. Даже в погребе. — Мордочка у Фрю стала совсем озабоченной.

— А может, он пошёл в лес? — сказал Шасилкинд.

— В такую пургу? Зачем?

— Ну я не знаю. Добыть нам какое-нибудь пропитание, например. Я уже сильно голодный.

— Пожалуй, я ещё раз проверю, — вздохнула Фрю и пошла в коридор.

Она надела собачьи носки, замоталась старым шарфом Блошкинса и вышла на улицу. В морду дунул ледяной ветер, больно уколов снежинками. Теперь Фрю была внимательнее и сразу заметила в снегу следы. Это были следы лыж. Лыж Блошкинса! И они вели за забор!

Что это ему ещё в голову взбрело? Неужели он и впрямь решил покататься на лыжах?

Но слишком хорошо знала Блошкинса Фрю, чтобы сразу понять: старик ушёл из дома. Он на них обиделся!

Сердечко Фрю собралось в комок и забилось быстро-быстро — от жалости и ещё от гнева. На себя! Это она во всём виновата! Ведь она одна знала о страшной тайне Блошкинса! Зачем же она позволила вчера им

летать? В его присутствии, прямо у него под носом (вернее, над)! Когда ему было так хорошо!

Никому ничего не сказав, Фрю пробралась через палисадник (он вновь был весь засыпан снегом, ведь вчера ночью Бобстер отдыхал со всеми), с трудом открыла калитку и быстро зашагала внутри лыжни. Благо её ещё было видно. Пурга улеглась лишь самую малость, но этого было достаточно, чтобы разглядеть в сугробах две неясных полоски. Комариные крылья Фрю были слишком хрупки, чтобы взлететь в таких погодных условиях.

* * *

А Блошкинс все шёл вперёд. Только вперёд! Несколько раз ему ужасно хотелось повернуть назад. Вернуться домой, растопить очаг и сварить себе какао. Вернее, себе и Фрю. Положа лапу на сердце, ему никого больше не хотелось видеть. Ему мечталось, что он вернётся и она одна будет встречать его на пороге. Ведь еда в его доме кончилась. Так, может, они всё-таки уберутся теперь восвояси? Но Блошкинс был слишком мудр, чтобы тешиться подобной мыслью. Поэтому он так и не повернул лыжи обратно. Даже когда вдали послышался протяжный вой, нотами похожий на волчий (но не волчий), он не свернул с пути.

Это выла в унисон пурге одинокая тётка Браногинда. Толстуха сидела в заснеженном поле и стенала на разные голоса. Может, для того, чтобы пугать таких одиноких путников, как Блошкинс. А может, от тоски. Кто их, браногинд, разберёт?

Блошкинс знал, что Толстая Браногинда способна его съесть. Вынырнуть из снежного тумана в любой момент и откусить ему голову. И он даже не успеет ни с кем попрощаться. Ну что ж, если так будет угодно судьбе, Блошкинс согласен. Хотя, конечно, ему всё-таки хотелось ещё пожить. Хотя бы для того, чтобы осуществить свою заветную мечту. Он поправил заплечный мешок и с удвоенной скоростью ринулся навстречу судьбе.

* * *

— Ыу-у-у-у-уы-ы-ы-ыу-у-у! — услышала в заснеженной дали малышка Фрю.

«Это Браногинда рыдает, — догадалась она. — Наверное, у неё опять разболелся зуб».

Фрю была знакома с Толстой Браногиндой, хоть и шапочно. Она-то, в отличие от многих, знала, что Браногинда совсем не ест зверей. И родителей Фрю она съесть никак не могла — они её всё-таки бросили. Ведь Браногинда вообще ничего не ела — у неё просто-напросто не было желудка. Когда Фрю в прошлый раз заблудилась в пурге, именно толстуха её спасла от неминуемой смерти. Она нашла Фрю в сугробе с большой сосулькой на носу, обняла её и согрела. Браногинда была жаркая внутри и снаружи, ведь в ней была сложена печка из маленьких кирпичей. А когда Фрю отогрелась, Браногинда рассказала, вернее, пожаловалась на то, что у неё чертовски болят зубы. Особенно в такую пургу. Лишь заунывный вой немного облегчает страдания несчастной.

— Она наверняка до смерти перепугает своим воем Блошкинса, — сказала себе под нос Фрю. — Он ведь страшно домашний. Он совсем не умеет путешествовать, да ещё в такую погоду!

Лыжня то скрывалась под новым слоем снега, то выныривала наружу. Несколько раз Фрю сбивалась с пути, и если бы не глубокие лунки, которые оставляли лыжные палки Блошкинса, она наверняка бы уже заплутала.

Выл ветер — намного громче и мощнее Браногинды. Он дул в лицо — жёстко, так и норовя свалить маленькую Фрю с ног. Он лохматил и путал ей шерсть, задувал, казалось, в самые внутренности, но бесстрашная Фрю всё равно шагала вперёд. Она не отступится, она найдёт его и вернёт домой. Иначе она не Фрю, бухты-барахты!

* * *

Мыс уже маячил вдали. За сплошной пеленой снега он лишь угадывался — большой, высокий и одинокий. Совсем как старик Блошкинс.

«Это хорошо, — думал Блошкинс, — что видимость почти нулевая. Значит, я ничего не увижу там внизу, и мне не будет так страшно».

Он стал потихоньку прокладывать лыжню в гору. Старик уже порядком выдохся — всё-таки он не привык передвигаться по пересечённой местности. Он привык сидеть в кресле-качалке и едва шевелить пальцами, перебирая рябиновую гроздь.

«Всё дело в том, что я физически недоразвит. Я гораздо больше развит умственно, вот так. Вся беда именно в этом. Ведь для того, чтобы летать, вовсе не обязательно иметь в мозгу уйму извилин. Достаточно быть выносливым и уметь балансировать в воздухе».

Пот застилал глаза старику, несмотря на жуткую стужу. Подъём оказался крутым, гораздо круче, чем вначале предполагал Блошкинс. Он то и дело скатывался вниз, безуспешно пытаясь зацепиться палками и затормозить.

«Надо было не смазывать лыжи свечкой, — сердился на себя Блошкинс. — Надо было их, наоборот, зазубрить!»

Когда он скатился с пригорка в двенадцатый раз, старик наконец догадался скинуть лыжи. Он остался в одних ботинках. Прекрасных шипованных ботинках, в которых так чудно можно забраться на любую гору. Хоть на Эверест!

* * *

Лыжня неожиданно оборвалась. А потом в сторонке Фрю разглядела лыжи. Зелёные деревянные лыжи, которые она много раз видела в коридорчике у Блошкинса. Увидеть их теперь здесь, брошенными как попало и запорошёнными, было страшно. Чёрные мысли ринулись в голову Фрю. Она упала на колени и поползла. Она судорожно ощупывала снег в том месте, где валялись лыжи, и вокруг. Она звала — громко, но пурга всё равно уносила её слова куда-то в сторону и назад, вместе со снегом. Она шарила лапами в сугробах, надеясь наткнуться наконец на что-то твёрдое. Нет, лучше на мягкое и тёплое. Он просто залез в сугроб, чтобы передохнуть, и уснул. В снегу так сладко спится!

Скоро Фрю поняла, что Блошкинса здесь нет. Ну конечно! Он просто снял лыжи, чтобы удобнее было взбираться на мыс! Какая же она дурёха. Фрю утёрла мокрое от снега и слёз личико и сняла носки. Собачья шерсть скаталась и обледенела — носки превратились в салазки. Она аккуратно положила их рядом с лыжами Блошкинса и начала восхождение.

* * *

Блошкинс стоял на самом краешке мыса в отчаянии. Огромные снеговые тучи кружили вокруг, норовя пихнуть старика толстым боком. Столкнуть его с огромной высоты. Старик не видел, что там, внизу. Слишком серым и плотным был туман — таким, что его можно было рассовывать по карманам. Но Блошкинс, конечно, знал, что под ним сейчас море. Живое море — его даже было немного слышно с высоты. Волны ворочались, перекатываясь с бока на бок, и вдребезги разбивались о скалы. Льду не под силу было сковать их здесь, у мыса Отчаяния.

«Чёрная холодная вода, — думал Блошкинс, — как же в ней живут рыбы и русалки?»

Он вспомнил ту, с жёлтыми глазами, которой он подарил свою цигейковую шубу. Интересно, она в ней не мёрзнет? Может, когда он, наконец, окажется в её царстве, красавица узнает Блошкинса, вспомнив о его благородном поступке?

Нет, Блошкинс вовсе не хотел расставаться с жизнью добровольно. Наоборот, ему как никогда сейчас хотелось жить. Не прозябать, закупорившись в унылом коттедже, полном тоскливых самодельных вещей, а полноценно жить! Изо всех сил! На всю катушку! С танцами до утра, походами в лес, кострами, пикниками, купанием под звёздами, рассветами на берегу и завтраками из десяти блюд в хорошей компании!

И всё же он должен был сделать это. Даже страх разбиться насмерть не сможет его теперь остановить. Блошкинс вдохнул побольше колкого морозного воздуха, закрыл глаза и представил у себя за спиной крылья. Два больших белых крыла. Нет, лучше сиреневых! Сейчас он расправит их как следует, сделает пару мощных взмахов и взлетит.

Не открывая глаз, Блошкинс снял с плеча мешок и ослабил завязку. Лапа коснулась ровной холодной поверхности. Это лучшие крылья, которые смастерил Блошкинс за всю свою жизнь. Складные, гофрированные крылья по образу и подобию крыльев бабочки-махаона. Он никогда ещё не испытывал их — всё было недосуг. А вот теперь, пожалуй, пришёл тот самый подходящий момент. Блошкинс знал, что если не сейчас, то уже никогда. Он больше никогда не осмелится подняться сюда, на мыс. Ему просто не хватит духу.

Скорее, скорее, чтобы не передумать! Блошкинс стал судорожно напяливать на себя крылья, закрепляя кожаные ремни. Это было нелегко, ветер пытался отобрать крылья у Блошкинса, играя с ним, чувствуя своё превосходство, безжалостно выдирая невесомую конструкцию из слабых лап старика.

И тут он услышал крик. Далёкий и одновременно близкий. Вернее, родной и до боли знакомый.

«Это Фрю кричит», — понял Блошкинс.

Он не видел её, снег совсем залепил ему глаза, но чувствовал, что она где-то тут рядом. Он больше не один. Значит, она смогла. Она добралась! Потому что ей... не всё равно!

— Пожалуйста, перестань! — донёсся до старика рассерженный детский голос. — Не то я не знаю, что с тобой сейчас сделаю!

Фрю вдруг вынырнула из пурги — перед глазами Блошкинса сверкнула её разъярённая мордочка — и сразу вцепилась в крылья. Друзья начали бороться.

— Пусти! — орал Блошкинс. — Отдай, это моё!

— Старый дурень! Остолоп! Бестолочь! — кричала Фрю, скаля зубы и норовя укусить его за лапу. — Что ты ещё удумал?

— Отпусти, говорю! Иначе мы оба свалимся вниз и разобьёмся к чёртовой бабушке! — задыхаясь, прохрипел старик.

— Вот и отлично! Потому что одного я тебя всё равно не пущу! Я прыгну вместе с тобой, и моя смерть будет на твоей подлой совести!

— Проклятая девчонка! Ты совсем ополоумела! — с этими словами Блошкинс с силой толкнул Фрю подальше от обрыва. На мгновение он разжал лапу, ветер обрадовался (Блошкинсу даже послышалось, как он демонически захохотал) и тут же вырвал у него крылья. И они сразу исчезли. Их просто-напросто унесло — прямо в открытое море.

— Что ты наделала? — заскулил старик. Вид у него был такой несчастный, что на минутку Фрю пожалела о своём поступке. Но потом передумала: всё она сделала правильно. Именно так и поступают все маломальски приличные друзья.

Блошкинс сидел в сугробе и рыдал. Фрю ещё никогда не видела, как он плачет. Вообще как плачут взрослые, умудрённые опытом звери. На это было странно смотреть и, признаться, не очень приятно. Особенно когда Блошкинс стал размазывать по морде сопли. Фрю растерялась — что же ей теперь делать? Может, обнять его? Или лучше не надо? Может, ей сесть рядышком и поплакать вместе с ним?

Фрю так и поступила. Только ей, как на зло, совершенно не хотелось плакать, ну ни капельки! Она немного повыдавливала из себя слёзы, а потом махнула на это дело и сказала:

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? — Она вдруг вспомнила, что именно так делала её мама, когда пыталась успокоить Фрю.

Блошкинс промолчал.

— Точнее, даже не сказку, а быль. Вернее, одну легенду.

— Ты сначала определись, что будешь рассказывать, а потом вопросы задавай, — хмыкнул Блошкинс.

— Ладно, — кивнула Фрю: ей не хотелось сейчас спорить. — В одной прекрасной стране, — начала она, — родился однажды малыш. Это был очень красивый малыш — маме с папой он сразу ужасно понравился. Хотя он не был ни на кого похож — даже на них самих. У него совершенно не было крыльев. Зато у него были длинные грациозные лапы и маленькие рога сразу за ушами.

Малыш рос, мужал и с годами превратился в крепкого подростка с гордым и независимым характером. Да, гордость — полезная в жизни

штука. Но часто она даётся зверю в паре с обидчивостью... Словом, один раз наш герой смертельно обиделся — на глупую, безобидную шутку соседского мальчишки. Тот обозвал его неумёхой — ведь наш герой был единственный во всей прекрасной стране, кто не умел летать. Он всё время ходил пешком или ездил на самодельном велосипеде.

На следующий же день он ушёл из дома, никому ничего не сказав. Даже собственным беднягам родителям!

С тех пор прошло много-много лет, а он так и не вернулся. Но в далёкой стране до сих пор помнят рогача и ждут, что он, может быть, когда-нибудь вернётся, — закончила Фрю свою грустную легенду.

— Почему? — спросил старик.

— Что почему?

— Почему они его до сих пор ждут?

— Наверное, потому что они его любят. И ещё — потому что он был необычным. Не таким, как все, понимаешь? — Фрю приобняла Блошкинса за плечо.

— Выходит, ты обо всём знала? — Старик заглянул ей в глаза. — Поэтому ты меня тут нашла?

Фрю кивнула:

— Я на секундочку представила себя тобой (у меня это иногда хорошо получается) и поняла, что мыс Отчаяния для меня сейчас самая подходящая точка на всём земном шаре.

— Но ведь я так и не испытал свои крылья!

— Слушай, ты такой старый и такой смешной. Как же ты до сих пор не понял, что все эти полёты — совершенно не твоё?

— Разве нет? — нахмурился Блошкинс. — Но я ведь всю жизнь полагал... — Тут он запнулся. Потом вскочил и стал нервно расхаживать туда-сюда, в опасной близи от обрыва. — А что тогда моё, а? Я тебя спрашиваю!

Фрю пожала плечами. Ей нечего было ответить на это старику. Ведь, в конце концов, она была всего лишь ребёнком, хоть и мудрым не по годам.

Она попросту пока не знала ответов на все вопросы, поэтому со свойственной всем детям прямотой так и сказала:

— Я не знаю. Пойдём лучше домой, а то холодно.

19. Устрицы среди прибрежных камней

Встречали Блошкинса горячо. Так горячо, что старика бросило в жар от неожиданно нахлынувшего на него смущения. Он был скромен и не привык к подобным почестям. Раньше никто не выбегал за калитку, чтобы встретить его как следует, обнять и расцеловать. Он чувствовал себя кинозвездой или каким-нибудь важным мэром города,

которого с нетерпением ждали, чтобы хорошенько облобызать. А потом церемонно сопроводить в комнаты, усадить в любимое кресло, разуть, подставить под усталые ноги пуфик и вручить чашку с горячим какао.

О, это было божественно — вернуться в свой дом. Не в пустой и холодный, а в дом, до краёв наполненный тёплой дружеской атмосферой.

— Мы так ждали тебя! Мы так волновались! — кричали какие-то незнакомые волосатые крепыши, запрыгивая к нему на колени.

— Ты не представляешь, как мы переживали! — волновался Прыгобумс. — Шасилкинд даже описался от переживаний. Прямо тут, в коридоре! Но я его заставил всё сразу подтереть.

— Просто я решил, что ты нас бросил, — оправдывался Шасилкинд. — Просто я был несчастен и одинок!

— А мы думали, что тебя занесло снегом. И что мы больше никогда тебя не увидим, — плакали счастливыми слезами братья-близнецы. — От тоски Крански съел твою старую соломенную шляпу, и Бобстер его поколотил. Это ничего?

— Кстати, Бобстер обошёл весь лес в поисках тебя и Фрю!

— А Стопроцентный Хлопок сочинил тебе памятную песню. Он, оказывается, умеет сочинять прекрасные песни. Правда, у него совершенно нет слуха! И рифмует он не очень в рифму.

— А знаешь, что устроили эти хехорлики? Они заперлись в кладовой и поставили нам ультиматум, что не выйдут оттуда живыми, пока мы не приведём тебя назад!

— Спасибо, друзья, спасибо, — улыбался Блошкинс. — Мне так приятно! Мне так приятно никогда ещё не было! Спасибо вам!

— А где ты всё-таки был? — поинтересовался любопытный Шасилкинд.

— В гостях?

— Прятался в погребе?

— Спал в дупле?

— Купался в проруби?

— Плутал в пурге?

Версии были разные. И каждый до хрипоты отстаивал правильность именно своей.

— А когда у нас будет обед? — спросил вдруг какой-то зверёк в ватных штанах. — Мы с прошлой ночи ничего не ели.

— Да, мы уже сильно голодные! — тут же подхватили остальные. — У нас в животах сплошная пустота!

— А у нас и пустоты нету!

— Ну вот что, — рассердился Бобстер. — Дайте дедушке отдохнуть с дороги. Он, между прочим, устал и измаялся. На нём вон морды нет, разве вы не видите? Имейте совесть.

— Друзья, — тихо сказал Блошкинс, поправляя на голове ночной колпак, и все сразу замолчали. Стало слышно, как на стене в гостиной тикают ходики. — Мне ужасно не хочется вас расстраивать, но другого выхода нет. К моему глубокому сожалению, вся еда в доме вчера кончилась.

— Как? Прямо вся-вся?! — ужаснулись гости.

— Да, — грустно кивнул Блошкинс.

— Но что же теперь делать? Ведь до весны ещё целых два месяца!

— А то и три!

— Мы опухнем тут с голоду!

— Друзья мои, — вновь обратился к собравшимся старик. На лице его играла тихая улыбка. — Давайте не будем забегать так далеко вперёд. В конце концов, все мы звери. Мы не дадим друг другу опухнуть с голоду. Мы будем собирать в лесу шишки, орехи и семечки. Если понадобится, будем жевать кору. Мы будем рыбачить на льду и собирать замёрзших устриц среди прибрежных камней. Мы не пропадём, если будем держаться вместе. Вы меня понимаете?

Звери молча закивали, задумчиво глядя на старика. О чём они при этом думали — кто их знает? Но ни один, слышите, ни один из них не развернулся и не ушёл в ту же минуту из дома! Видимо, они поверили Блошкинсу и решили остаться у него зимовать...

— А сейчас? Что мы будем делать сейчас? — пропищал зверёк по имени Стопроцентный Хлопок.

— А сейчас мы ляжем спать — все вместе, в этой самой гостиной. Ведь, когда спишь, есть совсем не хочется. А завтра, обещаю, я обязательно что-нибудь придумаю.

Речь Блошкинса произвела на зверей очень хорошее впечатление. Они заметно успокоились, и даже животы у них стали бурчать гораздо тише. Один за другим они начали укладываться спать: кто поближе к камину, кто на диване, кто прямо на полу. А Фрю согнала с Блошкинса волосатых крепышей и сама залезла к нему на колени. Свернувшись клубочком, она моментально уснула и замурлыкала, как кошка. Под это мурлыканье и ещё под сопение трёх десятков сопливых носов Блошкинс уснул.

И ему больше ничего не снилось. Он спал спокойно и беспробудно до самого утра.

А наутро у него выросли рога.

20 · От любви

Да, именно рога прятал Блошкинс под ночным колпаком. Но что мы рассказываем — вы, наверное, уже и сами обо всём догадались. Всю жизнь они росли у Блошкинса за ушами — маленькие, розовые и бархатистые. Правда, они всё никак не вырастали. Впрочем, Блошкинс был этому рад — он сильно стеснялся своих рогов. Он считал их настоящим уродством и сущим наказанием. Иногда он всё-таки

снимал колпак и подолгу разглядывал голову в трюмо. Он мечтал о том, чтобы рога пропали, отвалились, отсохли! А однажды он даже попытался отпилить их напильником, но у него ничего не получилось. Было больно.

Поэтому он и носил не снимая ночной колпак, даже будучи в полном одиночестве. С его помощью Блошкинсу удавалось ненадолго позабыть о своём уродстве. Периодически он штопал головной убор — рога протирали его деликатную ткань — и снова надевал на несколько месяцев.

А сегодня Блошкинс проснулся и не обнаружил на голове колпака. Тот валялся на полу, рядом с креслом. Зато вместо колпака он обнаружил... что-то такое... странное... и непривычное...

Старик принялся судорожно ощупывать собственную голову. Сначала его бросило в жар, а потом в холодный пот. За ушами он обнаружил что-то твёрдое, огромное и ветвистое! Блошкинс тихонько встал с кресла и подложил Фрю под тёплый бок Прыгобумса. Все ещё спали. На цыпочках старик прокрался к трюмо и с замиранием сердца взглянул на себя в зеркало.

Кошмар. Это настоящий кошмар. Рога были просто гигантские! Они ветвились в разные стороны! Один раз точно такие же рога Блошкинс видел у старого оленя — вожака стада. Тот чуть не забодал старика, случайно забредшего на его территорию.

Но самое страшное было даже не это. Рога, конечно, предмет довольно неожиданный на голове у такого зверя, как Блошкинс. Они не положены ему по породе, но всё-таки с их наличием ещё можно смириться. Ведь мирятся же с этим лоси, жирафы и коровы!

Но вот с тем, что на рогах у Блошкинса росла докторская колбаса, смириться было никак нельзя.

Ещё на них росли булочки, сыр, котлеты, пряники, груши, яблоки, помидоры, бананы, огурцы, черешня... Словом, всё то, что когда-либо пробовал Блошкинс. А за всю свою длинную жизнь он испробовал много разной еды. На рогах у старика вырос целый гастроном! И при всём при этом он абсолютно не мешал Блошкинсу. Тот его практически не чувствовал!

Словно этот вопиющий продуктовый сад был не чем иным, как обычной частью Блошкинсова тела — головой, рукой или ухом.

Блошкинс решил немедля избавиться от постыдных рогов, пока никто не проснулся. Стараясь не шуметь, он пролез в мастерскую. Там у него где-то была пила. А если пилой не получится, то он разбудит Бобстера, и тот отрубит ему рога топором. Главное, чтобы остальные ничего не увидели.

— Ой! Сосиски! — пискнул вдруг кто-то.

На верхней полке в мастерской спал, свернувшись клубком, какой-то зверь в чёрно-белую полоску. Но теперь он проснулся и сразу увидел Блошкинса и его замечательные рога. Вернее, сосиски — зверёк их страшно любил!

Он вдруг подпрыгнул с неожиданной для только что проснувшегося зверя прыткостью, сорвал с головы Блошкинса сосиску и тут же её проглотил. Немедленно его лапа потянулась за следующей.

— Стоп! — сказал ему Блошкинс. — Что ты себе позволяешь? — Ему не понравилось, что кто-то без спроса трогает его за рога.

— Я хочу ещё булочку. И пирожок, — нисколько не смутился зверь.

— А где волшебное слово?

— Можно? Пожалуйста!

— Ну ладно, бери, — смилостивился Блошкинс, опуская голову, чтобы малышу было проще дотянуться.

Тот с ловкостью сорвал с рогов пару пирожков и принялся есть. Он жевал с таким аппетитом, он так облизывался и причмокивал, что старик им невольно залюбовался. Блошкинс сглотнул внезапную слюну и понял, что тоже жутко проголодался. Он протянул вверх лапу, нащупал за ухом большую грушу и сорвал её.

Это была очень хорошая груша. Зелёная, твёрдая и ароматная — такая, какой и должна быть приличная груша. Блошкинс с опаской откусил от неё маленький кусочек и разжевал. Прелесть! Вкуснота!

— А вы тут что, едите? — В дверях мастерской стоял Прыгобумс. — Втихаря?! Ой, а что это у тебя на голове такое?

— Сам не видишь? Рога, — с гордостью ответил Блошкинс и мотнул вверх подбородком. Продукты красиво качнулись туда-сюда.

Старик вдруг совершенно перестал стесняться своих рогов. Наоборот, он теперь ими гордился. Ни у кого таких рогов больше не было. Только у него! Они единственные и неповторимые в целом мире. И ещё они — настоящее спасение. От голода, от зимы, от раздоров, от жадности, от всех этих неприятных вещей!

— Чего же ты медлишь? На вот, попробуй котлетку. — С этими словами Блошкинс сорвал с рогов котлету по-киевски и протянул её Прыгобумсу. На её месте тут же выросла новая. — Ну как?

— Объедение! — заорал Прыгобумс. — А можно ещё?

— Бери. Мне не жалко.

— Слушай, дружище, но как такое возможно? — У Прыгобумса был озадаченный вид. — Откуда вообще они взялись, эти твои рога?

— От мамы с папой, — сказал ему на это Блошкинс. — Они у меня с рождения. Только я их раньше ото всех прятал.

— Прятал такое сокровище? Ты сошёл с ума!

— Просто раньше на них ничего съедобного не росло. И вообще, они были малюсенькие.

— Да? А почему тогда сейчас выросли? — удивился Прыгобумс.

— Не знаю, — честно признался Блошкинс. — Я ещё про это не думал.

— Они выросли от любви, — сказала Фрю. Она неслышно появилась на пороге мастерской. — Все самые прекрасные вещи в жизни случаются от любви. Можно мне вон тут морковку? Оранжевую?

Эпилог

Так заканчивается наша история. Сказка это, быль или старая позабытая легенда — решайте сами. Нам лишь остаётся сказать, что звери прекрасно пережили ту суровую зиму в бухте Барахте. И никто из них не умер от голода. Еды хватало на всех. Ведь чем больше продуктов срывали с чудесных рогов Блошкинса, тем больше вырастало новых.

Кладовую и погреб за ненадобностью старик переоборудовал в уютные спальни. Так что у каждого из многочисленных Блошкинсовых гостей было своё спальное место. Кроватки Блошкинс смастерил из своих бывших крыльев. Теперь они ему были ни к чему.

Порой, когда пурга завывала особенно сильно, звери растапливали пожарче камин и устраивали грандиозный ужин с экзотическими фруктами авокадо. Помните тот ящик, что однажды съел Блошкинс? Вернее, не сам ящик, а то, что в нём было. Авокадо пришлось по вкусу абсолютно всем. На одном из «семейных» советов, которые Блошкинс устраивал по четвергам, было решено высадить авокадовую рощу на опушке леса, как только придёт лето.

Хорошо жилось крылатому зверью в старом коттедже Блошкинса. За зиму они окрепли, подросли, их шерсть лоснилась, а глаза светились здоровым сытым блеском. Старику доставляло несказанное удовольствие наблюдать за этими переменами. Как никогда он чувствовал себя важным и нужным — не только самому себе. И это замечательно тёплое чувство до краёв наполняло его простым звериным счастьем.

Но пришла весна. И как бы здорово зверям ни жилось в гостях у Блошкинса, их потянуло домой. Не всю же жизнь быть гостями — пора самим становиться хозяевами судьбы. Первыми ушли хехорлики — они облюбовали уютное дупло неподалёку от дома и в один день, упаковав чемоданы с помидорами и пирогами, перебрались туда.

Следом ушли Тротски и Крански, сердечно простившись со стариком и клятвенно пообещав навестить его в середине июля. За ними проследовал Стопроцентный Хлопок, на прощание облизав Блошкинса с ног до головы (в его краях это было равносильно признанию в вечной дружбе).

Прыгобумс, Шасилкинд и Бобстер, сильно сдружившиеся за долгую зиму, ушли втроём. Оказывается, они жили неподалёку друг от друга (бездомный Бобстер как-то разбивал палатку в тех местах) и даже пользовались одним и тем же прудом для умывания. Правда, никогда при этом не встречались. Обменявшись с Блошкинсом адресами, они ушли, глотая сладкие слезы разлуки — все, включая обыкновенно сдержанного Бобстера.

Последней уходила Фрю. Блошкинс просил её остаться, пожить у него ещё немного — хотя бы до апреля, но звериный инстинкт взял верх и над ней.

— Меня ждут родные края, — сказала Фрю, — моя Крылатая долина. Ты можешь мне кое-что пообещать?

— Всё что угодно! — с готовностью ответил старик.

— Те письма, которые ты хранишь в комоде... Давай их сожжём?

— Зачем?

— Это грустные письма. Я не читала их, ты не подумай ничего плохого. Просто я не раз видела, как ты их пишешь...

Блошкинс насупился и покраснел до самых корней волос.

— Никакой Лисены на самом деле нет? Ведь ты её выдумал?

Старик неопределённо пожал плечами:

— Я и сам толком не знаю. Может, она живёт лишь у меня в голове. А может, и нет.

Фрю подошла к нему и прижалась к его коленям — крепко-крепко.

— Тебе больше не придётся писать самому себе письма и посылать посылки. Теперь тебе будем писать мы: Прыгобумс, Бобстер, Шасилкинд, я... Я, конечно, тебе не дальняя родственница, зато умею писать весёлые письма. Ты же меня научил.

— А про что ты мне будешь писать?

— Про всё на свете! — улыбнулась Фрю. — Например, про то, как делать из спагетти ёжиков, как раскрашивать гуашью валенки, как кормить с руки птиц, мастерить на ветках качели, писать молоком невидимые письма, клеить из спичек домики, рисовать сметаной на оладьях...

Фрю ещё долго рассказывала, пока Блошкинс опустошал комод от розовых, разноцветных и коричневых конвертов (в них хранились его собственные ответы, так никогда и не отправленные). А потом они сделали из них большую бумажную кучу прямо во дворе, в большом железном тазу (туда же отправился и свод правил), и подожгли. Куча горела долго, красиво — красным и оранжевым.

Когда она догорит, Блошкинс соберёт золу и припрячет её подальше, в какое-нибудь сухое место. А в мае они все вместе посыплют ею будущую авокадовую рощу, чтобы удобрить почву.

Ну а сейчас они будут пускать мыльные пузыри — прямо посреди гостиной, на ромашково-васильково-маковом лугу.

КОНЕЦ

УДК 821.161.1–93
ББК 84 (2Рос=Рус) 1
Н64

Иллюстрации *Галины Зинько*

Никольская, Анна.
Н64 Блошкинс и Фрю из бухты Барахты / Анна Никольская. — Москва: Клевер-Медиа-Групп, 2015. — 106, [6] с.: ил. — (Блошкинс и Фрю)

ISBN 978-5-91982-617-0

Новая сказка Анны Никольской — это притча о дружбе, мечте и поиске себя с чарующей тёплой атмосферой, которая не оставит равнодушным читателя любого возраста.
Одинокий, замкнутый старик Блошкинс, обитатель бухты Барахты, живёт в лесу, у моря. Он плотничает, выращивает цветы и овощи, читает книги, изобретает полезные и не очень вещи, получает письма от дальних-предальних родственников и, не снимая ни на секунду, носит ночной колпак. Его жизнь размеренна и тиха до тех пор, пока однажды…
Однажды на пороге его дома появляется крылатая малышка Фрю. И хотя он установил в доме свои порядки, строго-настрого запретив Фрю спускаться в погреб и лакомиться его припасами, всё равно всё идёт наперекосяк. И лишь одно радует Блошкинса: с появлением Фрю ему начали сниться цветные сны о полётах…

© Никольская А., 2015
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2015

Литературно-художественное издание
Для чтения взрослыми детям

Анна Никольская
Блошкинс и Фрю из бухты Барахты

Издательство Clever
Генеральный директор
Александр Альперович
Главный редактор *Елена Измайлова*
Арт-директор *Лилу Рами*
Ведущий редактор
Мария Тонконогова

Тираж 3000 экз.

ООО «Клевер-Медиа-Групп»
115054, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 71/5, стр. 2

www.clever-media.ru

clever-media-ru.livejournal.com
facebook.com/cleverbook.org
vk.com/clever_media_group
@cleverbook
Книги – наш хлѣбъ

Наша миссия: «Мы создаём мир идей для счастья взрослых и детей».

В соответствии с ФЗ № 436 от 29.12.10 маркируется знаком 0+

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru.
Заказ № 0000/00